Class PG

Book

YUDIN COLLECTION

7359
4 76

427

МОСКОВСКАЯ ЗАРЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АРИСТОВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

514.

Aristov, writer of verse.

МОСКОВСКАЯ

ЗАРЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АРИСТОВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

PG 3321
.A78 M6

Дозволено цензурою. Москва. Марта 6 дня 1868 г.

ДРУЗЬЯМЪ ПРИ ПОСЫЛКѢ СТИХОВЪ.

——

Хочу сказать, мои друзья,
Болѣе въ свое оправданье,
Что съ лишнимъ молодъ я,
И нѣтъ во мнѣ дарованья.
Но двадцати-двухъ лѣтъ
Я назвалъ себя поэтомъ.
Пишу стихи въ свободный часъ
Для милыхъ друзей, —
И собственно для васъ
Изливаю чувства души моей.
А въ печать рѣшаюсь я отдать
По просьбѣ ближнихъ друзей.

Теперь хочу я вамъ сказать,
Нельзя угодить на всѣхъ людей....
Коль нравлюсь, почитайте,
А не нравлюсь, разбросайте.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПОВѢСТИ.

Не для хвалы, друзья мои,
Написалъ я повѣсть эту,
И изливалъ чувства свои
Чтобы ее повѣдать свѣту.
Хотя я твердо въ томъ увѣренъ,
Что тутъ огня искры нѣту;
Себя хвалить я не намѣренъ;
Но какъ я младой еще поэтъ,
На мнѣ не взыщетъ грѣшный свѣтъ.

Вотъ вамъ, любезные друзья,
И вамъ, читатель благосклонный,
Откровенно признаюсь во всемъ вамъ я,
Что неприличенъ стихъ подобный.
Хотя совсѣмъ я не кстати
Крестьянку съ витяземъ соединилъ, —
Въ этомъ нисколько благодати....
Тѣмъ болѣе читателей оскорбилъ.

Пусть меня судятъ какъ хотятъ,
Но я скажу вамъ опять снова —
У насъ давно ужъ говорятъ,
Что изъ сказки не выбросишь слова.
Повѣсть грустная моя.... Я знаю,
Что всѣхъ троихъ я уложилъ,
Двоихъ ума и памяти рѣшаю,
А третій самъ себя рѣшилъ.
Хоть скучна, но какъ же быть?
Я что знаю, то пишу,
Нельзя же правду утаить.
Въ томъ извинить меня прошу, —
Угодить на всѣхъ вѣдь невозможно:
Кто любитъ правду, кто пустячки.
Есть люди—судятъ и безбожно....
Изъ нихъ есть даже старики, —
Тутъ не такъ, здѣсь не этакъ,
Тутъ огня, здѣсь искры нѣтъ,
Въ строкахъ, буквахъ безпорядокъ,
И виноватъ во всемъ поэтъ.

Начиналъ не съ тѣмъ писать
Я стихи и повѣсть эту,
Чтобы ее въ печать отдать
На судъ грѣшному свѣту.

Я повѣсть посвятилъ друзьямъ,
А ей всѣ прочіе стихи;
Теперь увѣрился въ томъ самъ,
Что все это пустяки.
Но болѣе по просьбѣ ихъ
Рѣшился я въ печать отдать,
И для товарищей такихъ
Нельзя же было отказать.

И вотъ начинаю я разсказъ —
Разсказъ ничтожнаго поэта;
Онъ незначителенъ для васъ
И неудивителенъ для свѣта.
Но я пишу рукой своей
На обсужденіе людей;
Я не изъ видовъ горделивыхъ —
Кому понравлюсь, пусть прочтётъ;
А не понравлюсь, пусть сожжетъ
Часы трудовъ моихъ счастливыхъ.
Я словъ похвальныхъ не ищу,
И въ оскорбленьи не грущу.

ПОВѢСТЬ СТАРИННАЯ.

ДОЧЬ ЛѢСНАГО СТОРОЖА.

Часъ свободный!
Дѣла нѣту....
Я берусь за перо.
Молодому-то поэту
Это первое ремесло.
Рука ходитъ;
Перо пишетъ;
Мысль бродитъ;
Ухо слышитъ.
Кто-то ходитъ....
Шумъ утихъ —
А я мечтаю,
И вотъ свой стихъ
Я начинаю.

Глава I.

Въ лѣсу густомъ отъ города далеко,
Сгорбясь какъ дряхлая старушка,
Стояла ветхая избушка.
Отъ времени вросла въ землю глубоко;
Когда сильный вѣтръ подуетъ,
Она шатаяся скрипитъ;

Гроза-ль небесная забушуетъ,
Она паденіемъ грозитъ.
Дубъ вѣковой рядомъ стоитъ,
Къ нему лачужка бѣдная припала,
Точно въ немъ спасенія искала —
Дубъ отъ бури ее хранитъ.

II.

Старикъ сѣдой, сторожъ лѣсной,
Въ избушкѣ бѣдной жилъ;
Съ своею дочерью младой
Онъ дни мирные проводилъ.
Лишь только солнышко взойдетъ
Съ своими ясными лучами,
Топоръ и палочку беретъ,
И тихо онъ по лѣсу идетъ
День встрѣтить радостными слезами.
Онъ пѣснямъ пташекъ внимаетъ,
Обойдя лѣсъ домой спѣшитъ,
На встрѣчу дочь ему бѣжитъ,
Со днемъ веселымъ поздравляетъ, —
И оба въ хижину идутъ.
Тамъ столъ простой накрытъ;
На столѣ хлѣбъ-соль лежитъ.

Поклоны Всевышнему кладутъ,
Умѣренную трапезу раздѣляютъ
И другъ друга рѣчами забавляютъ.
Съ Надеждой дочерью по немногу
Остатки дней онъ проводилъ.
День прошелъ — и слава Богу,
Онъ такъ Надеждѣ говорилъ.
Опять за лѣсъ солнце заходитъ....
Онъ топоръ и палочку беретъ
Изъ лачуги съ молитвою идетъ
И тихо кругъ лѣсу ходитъ.
Обойдя лѣсъ, домой спѣшитъ....
Опять дочь его встрѣчаетъ,
Соломой ложе устилаетъ, —
И чистая молитва къ Богу летитъ.
Отецъ дочь благословляетъ,
И сонъ ихъ рѣчи нарушаетъ.

III.

Такъ Іоаннъ, старецъ сѣдой,
Съ прекрасной дочерью младой,
Въ лѣсной глуши тихо жили.
Они дни мирно проводили.
Ихъ свѣтъ пышный не смущаетъ;

Они не знаютъ суеты;
Сребро и злато не прельщаетъ
И въ сердцахъ ихъ много простоты.
Старикъ не можетъ налюбоваться
На дочь, когда она сидитъ,
Внимательно на небо глядитъ,
Когда въ немъ звѣзды разгорятся.

Милѣе злата и сребра
Надежда дочь его была.
Какъ иногда она гуляетъ
Кругъ бѣдной хижины своей.
Своего отца ожидаетъ,
Какъ слезы льются изъ очей,
И тяжело она вздыхаетъ....
И дуновеніемъ на ней
Струи разметанныхъ кудрей
Вѣтеръ тихо перебираетъ,
И тмится блескъ ея очей.
Простой и грубый сарафанъ
Ея одѣваетъ легкій станъ.
Тоски сердечной полны
Груди бѣлыя какъ волны
На просторѣ колыхаютъ,
И вздохи легкіе вылетаютъ.

И вдругъ Надежда — что съ тобой?
Пропало все: тоска и грусть.....
Предъ ней ея отецъ родной, —
Она упала къ нему на грудь.

Старикъ съ ней горести не зналъ;
Какъ Ангелъ-хранитель она
Отцу отъ Бога послана;
Онъ ею жилъ, онъ ей дышалъ.
Старикъ что день, то все старѣетъ;
Бѣлѣютъ его серебристые власы.
Надежда болѣе хорошѣетъ....
Что день, то болѣе въ ней красы.

IV.

Около того лѣсу по дорогѣ
Ѣхалъ витязь молодой.
Его коня устали ноги;
Онъ въ лѣсъ свернулъ со столбовой....
Передъ нимъ роща темна....
Онъ слѣзъ съ сѣдла, пустилъ по волѣ
Своего лихаго скакуна.
Не чуть не думавши онъ болѣе,
Остановился въ лѣсу густомъ,

Быстро кругомъ глянулъ,
И здѣсь подъ зеленымъ кустомъ
Сномъ богатырскимъ уснулъ.

V.

Часъ, два прошло; витязь спитъ.
Но солнце скрылось за горой....
Вдругъ онъ проснулся и глядитъ.
О витязь, витязь! что съ тобою?
Онъ всталъ; коню свиститъ.
Коня нѣтъ.... онъ повторяетъ.
Конь вѣрный не-бѣжитъ,
Но только эхо отвѣчаетъ.
Онъ глубже въ лѣсъ, — и закричалъ.
И слышитъ въ глуши лѣсной
Вѣрный конь его заржалъ;
Туда направилъ онъ бѣгъ свой....
Идетъ, и что же? передъ нимъ
Надежда милая стояла;
Она повода въ рукахъ держала,
Съ чувствомъ пламеннымъ, нѣмымъ
Взоръ на витязя бросала,
Взглянувъ на нее и. . . . онъ
Ея красотою какъ былъ пораженъ.

Что же взоръ его встрѣчаетъ?
И склонивъ главу витязь мечтаетъ:
Не мечты ли это воображенья
Или лукавое навожденье?
Зачѣмъ въ лѣсу здѣсь выростая
Сія красавица младая?
Не зная веселости мірской,
Она какъ роза полевая
Расцвѣтаетъ въ глуши лѣсной.
Онъ поднялъ взоръ и къ ней подходитъ.
Вотъ ближе, ближе; наконецъ
И глазъ онъ съ нея не сводитъ.
Вдругъ вѣтеръ дунулъ; о Творецъ!....
И темные ея локоны густые
Развились по мраморнымъ плечамъ.
И что жъ его представилось очамъ?
Груди бѣлыя выписныя,
Румянецъ яркій на щекахъ,
Со цвѣтомъ алымъ на устахъ.
Она конфузилась, блѣднѣла,
Казалось словъ искала
И какъ заря покраснѣла....
И запинаяся сказала:

Надежда.

Витязь! конь не вашей ли чести?

Такъ вы извольте его взять.
Здѣсь въ кустахъ на этомъ мѣстѣ
Онъ запутался... какъ знать....
И откуда конь лихой
Показался здѣсь въ странѣ глухой?
Я взяла его и....
Но слова замерли въ устахъ;
Она поникла головой;
Ею овладѣлъ какой-то страхъ.

Витязь.

Доволенъ премного я тобой
И благодарю тебя сердечно,
Услугу буду помнить вѣчно.
Теперь скажи мнѣ наконецъ,
Живешь ты здѣсь одна?....

Надежда.

Со мною добрый мой отецъ.

Витязь.

А гдѣ же онъ?

Надежда.

Онъ эту рощу стережетъ.
Ужъ солнце скрылось за горой....
Какъ скоро лѣсъ онъ обойдетъ,
Поспѣшаетъ опять домой.
Я здѣсь всегда его встрѣчаю

И вмѣстѣ съ нимъ иду домой;
Онъ много такъ утѣшенъ мной,
Что время съ нимъ я раздѣляю,
И я его очень люблю. . . .

Витязь.

Скажи мнѣ, милая моя,
Какъ звать тебя? Краса твоя
Меня такъ много привлекаетъ.

Надежда.

Мой отецъ родной
Меня Надеждой называетъ,
Когда бываетъ со мной.

Витязь.

Твой отецъ скоро ль придетъ
Къ намъ сюда?

Надежда.

Ушелъ недавно и обойдетъ
Не скоро онъ.... вѣдь далеко....
Онъ старъ и сѣдъ и нелегко
Кругомъ всю рощу обойдти;
Но чтобъ не скучно было мнѣ,
Онъ всегда домой спѣшитъ.

Витязь. *(Подходя ближе.)*

Скажи мнѣ, прелесть моя,
Ужели ты когда скучаешь?

Но ты еще любви не знаешь,
И спокойна душа твоя;
Но съ первымъ взглядомъ я
Полюбилъ пламенно тебя.
Прекрасный другъ, тобою
Я такъ сильно обвороженъ,
И твоею красотою
Къ тебѣ я привлеченъ.
Моя красавица, позволь
Алыя уста твои согрѣть,
Поцѣлуй напечатлѣть. *(Цьлуетъ ее.)*
Твои кудри черныя какъ смоль
Меня ослѣпили. . .

Надежда. *(Покрасньвъ.)*

Что ты витязь?.... Богъ съ тобою!
Что вы дѣлаете со мною!
Что жъ меня такъ обижать!
Какъ и самъ изволишь знать.
Не прилично, витязь! вѣрьте,
Такъ со мною поступать....
Вамъ не должно цѣловать;
Сами въ томъ себя увѣрьте.

Витязь.

Мой ангелъ, въ томъ прости меня,
Что такъ поступилъ съ тобою я;

Но я люблю тебя, мой другъ,
Люблю сердцемъ и душой.
Еслибъ я соединился съ тобой,
И ты назвала бы меня супругъ....
И поводъ изъ рукъ ея взялъ,
И коня къ дереву привязалъ,
Безмолвно голову склонилъ,
И такъ опять онъ говорилъ:
— «О еслибъ другомъ могъ я быть
Тебѣ навѣки и навсегда!
Когда бы сбылось это.... тогда
Съ чѣмъ бы могъ себя сравнить,
Существо милое, на свѣтѣ?
Тогда бы я себѣ сказалъ,
Которое имѣлъ въ предметѣ,
И имъ я обладалъ.»

Надежда.

Что ты витязь? въ городахъ
Тамъ красавицъ очень много;
А мы живемъ въ глухихъ лѣсахъ
Здѣсь у развалившаго порога.
Они тамъ могутъ оцѣнить
Доброту души вашей и любовь;
Они будутъ васъ любить
И взволнуютъ вашу кровь.

Вы такъ свѣжи и прекрасны,
И такъ млады ваши лѣта;
Вы такъ величественны, отважны,
Что васъ не отвергнетъ ни одна.
Вы ихъ будете любить....
Любви вашей они достойны,
А меня должны вы забыть.
Простыя дѣвушки вамъ не пристойны;
На нихъ уборы дорогіе,
Какъ хороши, какъ опрятны.
Ихъ лѣта юныя, младыя,
И личики милыя пріятны....
А на мнѣ простой сарафанъ
Одѣвастъ мой грубый станъ....
И какъ отрадно въ душу льется
Ихъ пріятный голосъ нѣжный!
Какъ радужный жемчугъ вьется
Вкругъ ихъ шей бѣлоснѣжный!
И какъ пріятны у нихъ
Очи свѣтлыя, голубыя,
И какъ блестятъ на нихъ
Яркіе камни дорогіе!
А у меня.. . черты отъ жару загорѣли
И отъ трудовъ руки побагровѣли,
Я жительница степная....

Во мнѣ рѣчь грубая, простая....
Пріятна вамъ будетъ ихъ любовь
И милъ ихъ горячій поцѣлуй.
О витязь!... полюби ихъ вновь,
Но мою душу не волнуй....
Я здѣсь съ отцомъ въ лѣсу живу
И жить опять съ нимъ буду.
Прошу, не отягощай мою главу...
Удались, и я тебя забуду....
Тебя ждетъ перстень обручальный;
Онъ на рукѣ красавицы горитъ,
И блескъ свѣчи вѣнчальный
Главы ваши озаритъ....
А меня забудь, и навсегда!
Дѣвицу грубую забудь....
А случится ежели когда
На ближнюю дорогу завернуть,
Какъ можно шибче и быстрѣй
Ты разгони своего коня,
И проѣзжай сей лѣсъ скорѣй.
Ты долженъ забыть меня!...

Витязь.

Тебя забыть? какъ это можно?
Клянусь я честью никогда....
Клянусь Богомъ, и непреложно

Въ моей памяти будетъ всегда
Этотъ часъ счастливой встрѣчи,
Твой привлекательный взглядъ,
Твои милыя, простыя рѣчи,
Твой бѣдный и простой нарядъ.
А я люблю не жемчуги
И ни яркіе камни дорогіе,
А кудри темныя твои
И твои очи расписныя.
И я прошу тебя, другъ мой,
Лѣсную хижину оставить,
Со мной путь къ городу направить.

Надежда. (*Въ ужасѣ.*)

Какъ это можно? Боже мой!
Покинуть мнѣ своего отца....
Что будетъ дѣлать тогда родной?
Какъ мнѣ будетъ молить Творца
У Его святыхъ алтарей
О помилованіи души моей!
Отецъ такъ любитъ меня....
Съ тоски тогда онъ пропадетъ,
Или на мѣстѣ самъ умретъ
Ежели отъ него сокроюсь я....
На то ли мать меня родила,
Чтобъ я отца своего убила!

Витязь.

Надежда, вѣрь....
Твои очи такъ счастливы,
Твои слова несправедливы,
Я переречу ихъ теперь.
Ты говоришь—онъ старъ и сѣдъ;
Тутъ чего же думать много?
Откуда жъ болѣе ждать бѣдъ?
Онъ умретъ.... и у порога
Ты здѣсь останешься одна.
Что будешь дѣлать тогда?
Мой конь готовъ давно въ путь;
Надежда, другъ, согласна будь.
Рѣшись ѣхать со мной.
Тебѣ я Богомъ клянусь,
Тогда, мой ангелъ, съ тобой
На часъ одинъ не разлучусь.
Давно готовъ для насъ
Золотой перстень обручальный,
И ждетъ счастливый часъ —
Насъ озарятъ свѣчей вѣнчальной,
И на тебѣ, мой милый другъ,
Мой товарищъ нѣжный,
Будетъ виться радужный жемчугъ
Вкругъ шеи бѣлоснѣжной.

И взойдемъ вмѣстѣ въ храмъ,
И станемъ оба за святой,
Устеленный бархатомъ налой,
Вознесемъ молитву къ небесамъ;
Вѣнцы надѣнутъ, и для насъ
Пропоютъ вѣнчальный гласъ.
И взойдемъ въ пышный чертогъ.
Клянусь, въ томъ свидѣтель Богъ,
Скажи — согласна ль?...

Надежда.

Боже мой!
Рѣшиться бѣжать съ тобой....
Куда? въ пышныя палаты....
Ходить въ золотѣ, жить богато,
Отца оставить....

Витязь.

Да....
Оставить жизнь въ лѣсахъ;
А полуразвалившійся порогъ
Промѣнять на пышный чертогъ
И жить въ веселыхъ городахъ....
Прекрасной розѣ садовой
Не должно цвѣсть въ глуши лѣсной.
Ты будешь, прелесть, разцвѣтать
Въ роскошныхъ палатахъ,

Или въ великолѣпныхъ садахъ.
Заботъ, трудовъ не будешь знать —
Быть мнѣ супругой, навсегда....
Я жду отвѣта.

Надежда. (*Задумавшись.*)

....Отвѣта. .. а чтожъ тогда
Какъ мой отецъ придетъ?
Будетъ звать, а меня нѣтъ.
Онъ проклянетъ меня тогда....

Витязь.

Онъ старъ, — ты юныхъ лѣтъ, —
Кто пріютитъ тогда тебя,
Какъ скоро онъ оставитъ свѣтъ?
Ты сиротой должна остаться
И будешь по свѣту скитаться ...
Не лучше ли согласиться со мной
Быть витязя женой?

Надежда. (*Разсѣянно.*)

Женою витязя.... какая радость!
Нѣтъ.... ты прельщаешь
Мою неопытную младость!
Ты только обѣщаешь;
Ты искуситель....

Витязь.

Видитъ Богъ....

Клянусь . . и клятвы не нарушу, —
И я готовъ отдать въ залогъ
Все, все, и даже свою душу....
Вѣришь ли, Надежда?

Надежда.

Вѣрю, и согласна....
Но взгляни, какъ мѣсяцъ по небу идетъ,
И какой-то страхъ въ душѣ моей.
Дрожатъ колѣна.... скорѣй,
Пока не пришелъ отецъ.... бѣжимъ....
Мѣшается мой умъ и мечты....
Но будь мѣсяцъ ясный ты
Свидѣтель преступленіямъ моимъ!
И точно боясь она дохнуть
Упала витязю на грудь.

И томится желаньемъ
Младая юная чета,
И слились лобзаньемъ
Ихъ жаркія уста.

Но витязь всталъ, къ коню идетъ,
И отвязалъ, и къ ней ведетъ,

И ногу въ стремя; онъ на конѣ.
«Надежда милая, ко мнѣ!»
И вотъ послѣдній разъ взглянула
Она на хижину убогую;
Слеза скатилась, вздохнула.
Но она съ нимъ.... и лѣсной дорогою
Ихъ борзый конь помчалъ,
Кусты грудью разсѣкалъ.
Проѣхавъ лѣсъ по столбовой
Съ Надеждой бѣдной, но прелестной, —
Ея взглядъ какъ взглядъ небесной, —
Мчался витязь удалой.....

VI.

Вечеръ прекрасный!...

Заря вечерняя догорѣла;
Кругомъ окрестность поблѣднѣла,
И взошелъ мѣсяцъ ясный;
И съ небесной высоты
Какъ величественно сіяетъ,
Прекрасно зеленые кусты
И всю природу озаряетъ.

Какъ отрадно душѣ моей
Когда окрестность вечеръетъ.
Природа вся блѣднѣетъ,
И замолкаетъ соловей.
Всѣ пташки спятъ....
Звѣзды на небѣ горятъ....
Лишь только иногда порой
Молчанье тихое нарушаетъ
Волковъ голодныхъ страшный вой,
Или полунощница сова порхаетъ.

Повсюду звѣзды тихо блестятъ,
И луна по небу идетъ.
Чу!... слышно кусты шумятъ....
Иль кто по лѣсу бредетъ?
Старикъ Иванъ, какъ лунь сѣдой,
Обойдя лѣсъ, идетъ домой.
Онъ идетъ, онъ поспѣшаетъ.
И ему стало ужь не вмочь.
Но гдѣжъ родная его дочь?
Чтожъ Надежда не встрѣчаетъ?
Онъ идетъ; въ немъ сердце бьется.
Вездѣ все пусто передъ нимъ....
Сова зловѣщая надъ нимъ вьется....
Какой-то мукой онъ томимъ

Подходитъ къ лачугѣ, дочь зоветъ....
Кругомъ тихо; онъ повторяетъ ...
Одно молчанье. Надежды нѣтъ!
Только вдали эхо отвѣчаетъ....
Подходитъ къ двери,—мертвый сонъ....
Надеждиной нѣтъ тѣни.
Дверь отворилъ, входитъ онъ;
Всюду тихо.... только ступени
Трещатъ, и съ шумомъ глухимъ
Отъ шаговъ шатаются подъ нимъ.
Опять зоветъ; но дочь родная
На этотъ зовъ не отозвалась.
И онъ склонилъ главу рыдая....
Чтожъ такое?... И крестясь
Онъ вонъ опять выходитъ.
Все пусто, тихо передъ нимъ.
По лѣсу онъ долго бродитъ,
Душевной мукою томимъ.

Боже мой! гдѣ же дочь моя?
Надежда, милая, ужель она
Здѣсь въ лѣсу? и безъ меня
Куда теперь ушла одна?
Онъ замолкъ.... но рыданья
Стѣснили его грудь.

Безумный лепетъ и стенанья,
Судорожныя страданья
Мѣшали ему вздохнуть.
Его обдалъ смертный хладъ....
И тихо что-то онъ сказалъ,
На небо бросилъ мутный взглядъ
И безъ чувствъ на траву упалъ.

Глава II.

Но мы оставимъ старика
Безъ чувствъ, въ глухую полночь.
Его потеря не легка:
Пропала Надежда его дочь.
Ужь скрылась мѣсяца краса;
Востокъ румяный зарябило,
И благотворная роса
Всю природу окропила.
Проснулся громкій соловей,
Природу трелью оглушаетъ,
И жавронокъ среди полей
Свою пѣсню распѣваетъ.
Взошло солнце, и лучъ отрадный

Уже паритъ съ высоты небесъ;
На дорогѣ путникъ усталый
Спѣшитъ укрыться въ темный лѣсъ.
Не слышно мычанія коровъ,
И пастухъ въ рожокъ не играетъ.
Онъ тоже подъ тѣнію деревъ
Вмѣстѣ со стадомъ отдыхаетъ.
Но нашъ старикъ безъ чувствъ лежитъ,
Онъ пѣснямъ пташекъ не внимаетъ.
Но вдругъ очнулся, — и глядитъ,
И тихо голову приподымаетъ.
Прошедшій вечеръ вспомнилъ онъ
И думаетъ, что это сонъ.
Всталъ и знакомою дорогой
Поплелся къ хижинѣ убогой.

Годъ прошелъ.... и что же сталось
Съ Иваномъ, бѣднымъ старикомъ?
Сердце бѣдное разрывалось,
И душа страдала въ немъ
Объ милой дочери своей.
Онъ отъ проѣзжихъ узнавалъ.
Но увы!... и слуху нѣтъ объ ней,
Ея никто ужь не видалъ.
Лѣсъ темный покинулъ

И оставивъ хижину убогую,
Жизнь тихую отринулъ;
Онъ пошелъ путемъ-дорогою....
Въ чужихъ странахъ бѣдный странникъ
Скитался нѣсколько дней,
Какъ изъ родины изгнанникъ,
Онъ чуждался міра и людей.
На востокъ путь свой направлялъ;
Вдали онъ городъ увидалъ;
Идетъ, и къ городу подходитъ...
Предъ нимъ длинный рядъ
Великолѣпныхъ палатъ.
Вотъ онъ тихо въ городъ входитъ
И видитъ въ огромномъ домѣ,
На пристроенномъ балконѣ
Сидѣли витязь съ юною женой
И что-то говорили межъ собой.
Глядитъ пристальнѣй, — и чтожь?
Какой-то страхъ его беретъ;
По тѣлу пробѣжала дрожь....
Въ красавицѣ Надежду узнаетъ.
Своимъ глазамъ не вѣритъ онъ....
Мечтаетъ, что это сонъ....
Спѣшитъ къ балкону, едва дышетъ....
Онъ разговоръ ихъ слышитъ.

«Садись, мой ангелъ! Вольная прохлада
«Тебя немного освѣжитъ....
«О чемъ ты все тоскуешъ? и....»
«Мой другъ, я рада,
Что слеза изъ глазъ моихъ бѣжитъ....
Въ лѣсу, съ отцомъ въ тѣни вѣтвей
Душа и грудь моя дышала вольнѣй.
Я помню, когда-то
Жила въ лѣсу съ отцомъ;
Мнѣ лѣсъ тотъ знакомъ....
А теперь какъ сердце сжато,
И растерзанная моя грудь
Не даетъ свободно мнѣ вздохнуть.
Тамъ не знала я печали,
И думы сердце не разрывали.
Теперь печальна каждый день,
И тоска сердце мое гложетъ.
Я часто видаю отцову тѣнь....
Она ужасна меня тревожитъ.
Гдѣ онъ, гдѣ бѣдный мой отецъ?
О немъ скорбитъ душа моя;
За него накажетъ меня Творецъ!»
«Здѣсь я! . »
Старикъ выходитъ, говоритъ:
«Меня узнаешь ли, Надежда?

Таковъ ли я, каковъ былъ прежде?»
Надежда въ ужасѣ глядитъ....
«Другъ!... взгляни! отецъ мой!...
И изнуренный, блѣдный, и худой!»
И къ нему она бѣжитъ,
На грудь упадаетъ;
Ея взоръ ужасомъ горитъ....
Отъ себя отецъ ее толкаетъ.
«Остановись! онъ ей промолвилъ, —
Видишь, я нищій — ты знатна;
Я суровъ и грубъ, — ты такъ нѣжна.
Но я только долгъ свой исполнилъ;
Я жизнь мирную оставилъ
И повсюду тебя искалъ.
Я сюда путь свой направилъ,
И теперь самъ Богъ мнѣ указалъ.
Теперь скажи мнѣ, для чего
Ты ушла безъ благословенья моего?
И кто соблазнилъ тебя?»

Надежда. (*Падая на колѣна.*)

Отецъ!... передъ тобою виновна я.

(*Указываетъ на витязя.*)

Взгляни, сей витязь къ намъ заѣхалъ въ лѣсъ,
Меня богатствомъ соблазнилъ....

И увезъ....
Твоего проклятія достойна я.
Старикъ глядитъ;
Но витязь взоръ свой устремилъ.
Какъ листъ осенній онъ дрожитъ.
Но ужь безъ памяти говорилъ:
«Гляди и радуйся, злодѣй,
«Позоромъ дочери моей!
«Торжествуй лютый змѣй,
«Что похитилъ тихую голубицу
«Ядовитой хитростью своей!
«Ее увлекъ въ свою свѣтлицу.
«Что нужды въ томъ,
«Что я такъ бѣденъ, ты богатъ,
«И что живешь среди палатъ?...
«Въ лачугѣ бѣдной много дней,
«Какъ мирный агнецъ со мной жила
«И тихой кротостью своей
«Надежда мнѣ утѣхою была.
«Погляди на меня, дочь моя!...
«Но нѣтъ, она не слышитъ.
«Злодѣй! гляди, — она едва дышетъ.
«Надежда, это я!
«Иль ты забыла меня?»
И онъ бросаетъ мутный взглядъ;

Его объемлетъ смертный хладъ.
Глава на землю опустилась,
И грудь страданіемъ стѣснилась.
Въ его рукѣ окостенѣлой
Рука другая.... но она
Уже недвижна и хладна;
И всѣ члены костенѣютъ постепенно...
Но дочь убійца, она стоитъ....
Мутный взоръ, ужасный видъ;
Изъ груди ея тяжкій стонъ
Возникъ и смолкъ. Другъ, это онъ!
На хладный трупъ упала
И безъ чувствъ она рыдала.
«Зачѣмъ онъ умеръ, и для чего?
«Мой отецъ!.... мнѣ жаль его....
«Отецъ!.... вставай!... пора намъ....
«Отдай же мнѣ мой сарафанъ....
«Возьмите вещи золотыя, —
«Въ лѣсу не нужны онѣ мнѣ.
«На что уборы дорогіе?
«Они хороши и безъ меня.
«Вставай!.... вставай!... о, мой отецъ,
«Бѣжимъ отсюда поскорѣй!
«Мнѣ душно здѣсь; хочу я въ лѣсъ....
«Тамъ дышетъ грудь моя вольнѣй....

«Да полно спать! ... бѣжимъ!»...
И тревожитъ она своего отца,
Но напрасно! ужь не разбудишь мертвеца,
Онъ мертвъ и недвижимъ;
«Онъ словъ моихъ не слышитъ,
Онъ мертвъ, и грудь его не дышетъ.
А я дочь.... убійца своего отца,
Пойду молить теперь Творца!...»
И она дико захохотала,
Точно лань молодая,
Гнѣздо въ испугѣ покидая,
Вдоль города побѣжала.
И витязь вслѣдъ за ней глядитъ,
Куда безумная бѣжитъ
Изъ города вонъ.... И вотъ сильнѣй пустилась,
Мелькнула разъ, другой, и скрылась.

Годъ спустя лѣтней порой
Я ѣхалъ дорогой столбовой.
Меня любопытство завлекло
Завернуть въ ближнее село.

Поѣхалъ я лѣсной дорогой
Мимо той хижины убогой,
И нѣтъ слѣдовъ около ей.
На волю бурь предана,
Ужъ развалилася она.
Лишь только сходбище звѣрей
Бываетъ средь темныхъ ночей.
Я ѣхалъ съ душой унылой.
И вижу въ чащѣ темной
Надъ свѣжею могилой
Разросся дубъ огромный,
И осмиконечный крестъ стоитъ,—
Онъ прахъ усопшій сторожитъ.
Я поглядѣлъ, перекрестился,
Съ тоской сердечной удалился.
Ѣду далѣе, — и вижу отъ села
Къ рощѣ толпа поселянокъ шла.
Я любопытство возбудилъ;
Остановился и ихъ спросилъ:
Кто погребенъ здѣсь въ рощѣ темной
У лачуги, гдѣ стоитъ дубъ огромный?
Онѣ на меня взоры устремили,
На мой вопросъ такъ говорили:
«Здѣсь безумная была, и она
Въ той могилѣ погребена.

Отцы наши говорятъ —
Объ ней тужить намъ не велятъ.

А безумная она . . .
Отъ отца ушла безъ благословенья.
Онъ долго ее искалъ, и наконецъ
Ему указало Провидѣнье,
И въ городѣ нашелъ ее отецъ.
Она женою витязя была,
Въ чертогахъ пышныхъ жила.
Отецъ умеръ, она осталась, —
И о путникъ! вѣрь —
Она безъ ума какъ дикій звѣрь
Въ этомъ лѣсу скиталась.
Однажды видѣли ее ....

Въ глухую полночь; она бѣжала
И дико по лѣсу кричала:
О мой отецъ! постой постой!
Зачѣмъ покинулъ свою дочь?

Воротись! возьми меня съ собой,
Иль я погибну въ эту ночь!
И она рвала на себѣ нарядъ;
А темны локоны на ней

Отъ вѣтру вилися змѣей,
И дикъ ея былъ взглядъ;
И вотъ она сильнѣй пустилась.
Какъ привидѣніе въ тѣни скрылась.

День спустя, въ другую ночь
Путники блудивши лѣсомъ шли
И лѣснаго сторожа дочь
У развалинъ мертвою нашли.
Какъ хороша она лежала!
Румянецъ блѣдный на щекахъ,
Улыбка милая на устахъ,
Какъ что-то сказать она желала.
Густые локоны небрежно
Вились на мраморныхъ плечахъ,
И точно огонь любви нѣжной
Тускло горѣлъ въ ея очахъ.
Говорятъ, простилъ ей Творецъ....
Теперь ея мученьямъ конецъ.
И намъ священникъ говоритъ —
Въ могилѣ темной ей
Теперь бѣднягѣ веселѣй;
Она спокойна тамъ лежитъ:
Не должно тужить объ ней.»
И кончивъ рѣчь, простились со мной

И скрылись въ тѣни лѣсной.
А я вздохнулъ, повода взялъ;
Къ селу мой конь меня помчалъ.

Но чтожъ объ витязѣ скажу
Вамъ, друзья юности моей?
Все это нужнымъ нахожу,
Чтобы объяснить все поскорѣй,
Какъ душа его страдала,
Когда Надежда убѣжала.
Онъ долго вслѣдъ ея глядѣлъ;
То весь дрожалъ, то пламенѣлъ;
Потомъ очнулся... но въ умѣ
Какъ блуждающей внезапной тьмѣ....
Дѣлать что онъ не знаетъ
И думаетъ что это сонъ.
На память все приводитъ онъ
И самъ себя убѣждаетъ,
Что всему счастію конецъ.
Надежды нѣтъ, — предъ нимъ мертвецъ
Лежитъ съ обнаженной головой.
Изнуренный, старый и сѣдой,
На него взоръ мутный устремляетъ,
Какъ будто въ убійствѣ упрекаетъ.
Онъ на мертвеца глядитъ

И въ отчаяніи говоритъ:
«Надежды нѣтъ, и мертвъ старикъ....
Я ихъ убійца, ихъ злодѣй!
Но искуплю кровію своей.»
И вотъ главою онъ поникъ.
Но вдругъ кинжалъ
Въ рукѣ его засверкалъ,
И страшно дико онъ взглянулъ.
Въ его душѣ видно муку,
И оторопѣвшую руку
Точно кто-то подстрекнулъ.
На семъ мѣстѣ, и не далѣ....
И кинжалъ сверкнулъ около его.
Кровь заструилась на кинжалѣ,
И въ сердцѣ рана у него.
И упалъ онъ изступленный,
Мутнымъ взоромъ кругомъ глядитъ:
И передъ нимъ окровавленный
Въ рукѣ кинжалъ блеститъ.
Одинъ мигъ осталось жить....
Но онъ хочетъ скрыть
Его одолѣвающую муку,
И силится приподнять
Уже ослабѣвающую руку,
Хочетъ рану смертную зажать;

Но тщетно все! — и она
Уже недвижна и хладна....
И вотъ онъ
Едва пустилъ слабый стонъ,
И бросаетъ страшный взглядъ....
Но тихо всё кругомъ.
Его объемлетъ смертный хладъ,
И вотъ уснулъ онъ вѣчнымъ сномъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

С. А. Ф.....й

Часть I.

Къ тебѣ, о другъ мой несравненный,
Благодатный геній мой,
Я съ мечтою вдохновенной
Пишу твердою рукой!

Твою любовь ко мнѣ я знаю.
Вотъ вамъ труды моихъ часовъ ..
Я отъ души вамъ посвящаю
Въ подарокъ пукъ моихъ стиховъ.

Въ моихъ стихахъ хотя нѣту чувства,
Въ нихъ нѣтъ сердечнаго огня;
Но пишу безъ всякаго искусства,
Даю вамъ право судить меня..

И вотъ я стихъ вамъ посвящаю
И душу пылкую мою,
Что я мечтами ощущаю,
То все въ стихахъ передаю.

Я описалъ вамъ все вполнѣ...
Любовь, гибель и страданья.
Все что пришлося слышать мнѣ,
Здѣсь излилось мое мечтанье.

Я описалъ путника бремя,
Его тоску, его печали,
Что его минувшее время
И страсти на его ликѣ начертали.

Въ моемъ стихѣ краса Марія,
Она описана хоть не вполнѣ,
Въ ней были прелести какія,
И тѣ-то прелести есть въ тебѣ.

Когда я перомъ изображалъ
На семъ листѣ ея красы,
То я на тебя, мой другъ, взиралъ
И на твои темные власы.

Ихъ разговоръ въ саду съ Еленой,
Ея грусть и печальныя слова,

Когда Вольскій притаенный
Все слышалъ, — была ихъ сцена какова?

Такъ часто иногда порою,
Когда бываешь ты больна,
И ты съ поникшею главою
Сидишь печальна и блѣдна.

И какъ жадно тогда взираю
Я на тебя, другъ милый мой!
Или украдкой проливаю
Ото всѣхъ слезы горючія рѣкой.

Но ты веселостью своей
Разогнать тоску умѣешь,
И слезы текущія изъ очей
Отрешь, — и поцѣлуй напечатлѣешь.

Какъ Марія съ Вольскимъ при встрѣчѣ
Внезапно въ саду средь темной ночи,
И какъ ея невинныя простыя рѣчи
Зажгли въ Вольскомъ томныя очи.

Такъ иногда въ часъ унылый
Я тоску въ душѣ своей таю;
Явишься ко мнѣ, ты, другъ мой милый,
И поцѣлуемъ разгонишь тоску мою.

Суровъ бываю я съ иными,
Отъ всѣхъ скрываюсь на единѣ;
Но придешь ты съ ласками своими,
И тебѣ доступно все во мнѣ.

Отъ тебя я ничего не таилъ,
Тебѣ во всемъ я открывался
(Съ тѣхъ поръ какъ тебя я полюбилъ),
Тобой я часто восхищался.

Теперь одно меня смущаетъ...
Глубина ужасная межъ нами...
Она съ тобой насъ раздѣляетъ,
И нельзя ее обойдти мостами.

Черезъ скалу могутъ долетать
Только всегдашнія лобзанья;
Но нѣтъ пути, чтобы соединять
Мои надежды и желанья.

Теперь одно мнѣ утѣшенье —
Свободное время избирать,
И полнъ прежняго вдохновенья,
Я вправѣ вамъ стихи писать.

Пишу то, о чемъ мечтаю,
И что меня можетъ плѣнять,

Свои я чувства здѣсь изливаю,
Чтобы тебѣ ихъ передать.

Во мнѣ нѣтъ сладкихъ пѣснопѣній;
Я ихъ въ себѣ не ощущалъ,
Читая поэтовъ прежнихъ поколѣній,
И во мнѣ голосъ замиралъ.

Мнѣ тоску страшную наводило
Поэтовъ знаменитыхъ луно;
Но что на сердцѣ было мило,
Тоску разогнать могло оно.

Но время прежняго возврата
Я не дождусь (какъ улетитъ)...
Горька будетъ мнѣ утрата,
И на струнахъ голосъ замолчитъ.

И я тогда съ мечтой уединенной
Сокроюсь гдѣ нибудь въ глуши;
И о тебѣ, другъ мой незабвенный,
Утаю отъ всѣхъ печаль души.

Но вотъ одно мое желанье,
Къ тебѣ, мой геній красоты,
Мое всегдашнее очарованье,
Моей просьбы не отвергни ты.

Сбереги мой стихъ ничтожный,
Пусть сохранится онъ тобой;
Быть можетъ съ грустью неподложной
Ты вспомнишь обо мнѣ, другъ милый мой.

Или не взначай когда нибудь
Онъ попадетъ вамъ на глаза.
Хотя разъ придется вамъ вздохнуть,
И изъ очей скатится слеза.

Теперь узнай же, ангелъ милый,
Что тайна есть въ душевной мглѣ, —
И эту тайну никакой силой
Никто не извѣдаетъ во мнѣ.

И повѣрь, другъ мой нѣжный,
Эта тайна наводитъ страхъ.
Она смущаетъ мой духъ мятежный;
Я долженъ вѣкъ свой жить въ бѣдахъ.

И притомъ я увѣренъ, что тогда
Мнѣ не наслаждаться счастьемъ вѣчнымъ;
И теперь, мой ангелъ, хоть не всегда,
Но будь ты другомъ мнѣ сердечнымъ.

ВОЛЬСКІЙ.

I.

Лѣсной проселочной дорогой,
По вершинѣ горы отлогой,
Шелъ тихо путникъ молодой,
Дорогой дальней изнуренный.
Полдневнымъ жаромъ утомленный,
Усталый, блѣдный и худой,
Онъ идетъ... но въ немъ сердце
Какъ пташка въ клѣткѣ бьется,
И свой мутный взглядъ
Бросаетъ то впередъ, то взадъ,
И часто недвижимъ остается.
На лицѣ изображался тайный страхъ;

Блестѣли слезы на глазахъ;
И тихо что-то онъ шепталъ,
Тяжело прерывисто дышалъ,
Изъ груди вырывался тяжкій стонъ.
О путникъ, путникъ, или ты
Вспомнилъ прежнія мечты,
Или минувшій страшный сонъ?
Какой тревожитъ тебя страхъ?
Слова замираютъ на устахъ...
Завѣтнаго ль чего лишился,
Или что дорогое потерялъ?
На вѣкъ ли съ милою простился,
О которой много такъ мечталъ?

Но вотъ мрачится сводъ небесъ,
И свѣжій вѣтерокъ ужь вѣетъ...
Тихо шепчетъ темный лѣсъ,
И боръ кругомъ темнѣетъ...
Но путникъ усталую главу
Склонилъ на росистую траву,
И тихо въ думу погруженный,
Взоръ робко водитъ вкругъ себя.
Онъ полнъ жизни угнетенной,
Страдалъ и мучился любя,
И онъ дни свои младые

Провелъ въ раскаяньи и трудахъ.
Тяжелъ несъ крестъ на раменахъ....
Сбылись его мечты святыя!
Вотъ уже три года какъ разстался
Съ отцомъ и матерію онъ,
Въ чужихъ странахъ скитался,
И теперь близокъ родной домъ.
Но въ немъ сердце замираетъ,
Порой трепещетъ... и оно
Грозу какую предвѣщаетъ?
Подъ бурей жить ему суждено,
И кверху очи онъ возвелъ.
Прошедшіе дни онъ вспомнилъ,
И тамъ утѣшеніе себѣ обрѣлъ.
И сквозь слезы промолвилъ:
О ты, родимая моя страна!
О ты, знакомый сводъ небесный!
Какою тайною чудесной
Къ тебѣ, моя душа, привержена....
На долго ли я пересталъ скитаться
Подъ небомъ по землѣ сырой?
Марія... ты всему виной. ....
Но поскорѣе повстрѣчаться
Желалъ бы, Марія, я съ тобой.
Къ тебѣ давно лечу мечтами.

Быть можетъ намъ не суждено,
Чтобы вѣнцы сіяли надъ главами.
Но хоть «прости» сказать одно,
И на вѣки съ ней разстаться.
Если любитъ ее другой....
Я не буду болѣе скитаться
Въ странѣ далекой и чужой,
Лучше уснуть въ землѣ сырой.
А можетъ быть съ нею и вновь
Соединится наша любовь.

Весенній ужъ вечеръ пламенѣлъ....
Но тоскою духъ его смущался,
И тайный горестный удѣлъ
Мрачнѣе ночи ему казался.
Но ужъ пора.... межъ деревами,
Онъ видитъ, свѣтитъ огонекъ....
Всталъ и тихими шагами
Идетъ въ родимый уголокъ.
Проходитъ лѣсъ, и видитъ онъ
Покинутый отцовскій домъ,
Гдѣ отецъ съ матерью жили
И дни свои мирно проводили,
Домъ, съ которымъ разстался,—
И вотъ опять ужъ онъ въ глазахъ.

Его томитъ какой-то страхъ
И невольно духъ его смущался.
И видитъ храмъ... остановился,
Склонилъ главу, перекрестился;
Нейдетъ впередъ, нейдетъ назадъ....
Но вотъ онъ бросилъ робкій взоръ....
Что ждетъ меня? какое счастье?
О еслибъ былъ отецъ или мать,
Любви семейной благодать,
И я упалъ въ ихъ объятія.
Но они спятъ въ землѣ сырой;
Ихъ червь точитъ гробовой.
Хотя бы встрѣтились друзья,
Но ихъ давно быть можетъ нѣтъ.
Они любили пышный свѣтъ,
И теперь одинъ остался я.
И грустно, грустно взглянулъ
Онъ на село свое родное,
Но не воротишь время золотое!
Невольно тяжело вздохнулъ;
Тронулся; махнулъ рукой.....
И вотъ ужъ скрылся за горой.

II.

Древнее Ик.....е село
Примѣрной пышностью цвѣло.
Кому случилось быть тамъ,
Или хоть мимо проходить
И видѣть богатый храмъ.
Онъ на горѣ крутой стоитъ;
А подъ горой потокъ блеститъ;
Кругомъ могилы рядами;
Они изукрашены крестами.
Но вотъ у паперти, при входѣ въ храмъ,
Двѣ могилы еще свѣжія. Онѣ
Кругомъ рѣшеткой обнесены.
Случится ли надпись читать вамъ,
Вытравлена ѣдкими слезами;
На большомъ камнѣ гробовомъ
Лежитъ надъ могильнымъ холмомъ,
Она не изгладится годами.
«Владѣлецъ огромнаго села
«На этомъ мѣстѣ погребенъ;
«Примѣромъ его жизнь была,
«И добръ былъ къ крестьянамъ онъ;
«И рядомъ съ нимъ его супруга
«Въ сырой землѣ тоже легла.

«Она не могла пережить друга,
«Тоскуя съ печали умерла.»

III.

Прекрасна ночь родины милой;
Она вслѣдъ за нимъ идетъ;
Повсюду слѣдъ блѣдный и унылый
Внезапно на путника падетъ.
Померкнетъ солнце за горою,
И скроется его краса;
Начнетъ подыматься пеленою,
И стелется вечерняя роса.
Взошелъ мѣсяцъ, на небѣ сіяетъ;
Отрадно звѣзды всѣ горятъ;
На ложѣ мирномъ люди спятъ;
Никто ихъ сонъ не нарушаетъ....
Но вотъ къ селу узкою тропой,
Едва озаренною луной,
Въ одеждѣ грубой, безъ доспѣха,
Дмитрій Вольскій чуть идетъ.
Его не встрѣтитъ тамъ утѣха;
Отецъ и мать его не ждетъ....
И онъ дрожащею рукой,

Упираясь на посохъ свой убогій,
Утомленъ дальнею дорогой,
Чтобы вкусить мирный покой,
Спѣшитъ въ домъ, но всегдашнею тревогой
Душа полна, а сердце тоской.
Повсюду сонъ глубокій....
Никто путника не замѣчаетъ;
Никто какъ друга не встрѣчаетъ.
Лишь только мѣсяцъ одинокій,
Прорѣзавъ ночную тьму,
Освѣщаетъ дорогу ему.
И вотъ онъ видитъ: родной домъ,
Сады людскіе и заборы
Облегли его кругомъ.
Но ужъ вороты на запорѣ.
Кругомъ повсюду тишина;
Но душа желаніемъ полна.
Окончивъ дальнюю дорогу,
Точно боясь нарушить покой,
Подошелъ къ родному порогу.
Стучитъ дрожащею рукой,
Но никто не слышитъ его прихода:
Какъ будто нѣту въ немъ народа.
Онъ стукъ снова повторилъ....
И лишь почуя пришлеца,

Дотолѣ вѣрный песъ завылъ;
Не видя знакомаго лица,
Проснувшись со связкою ключей
Служитель старый спѣшитъ,
Гремитъ запоромъ, и скорѣй
Желаетъ пришлеца впустить.
И вдругъ въ какомъ-то удивленьи
Глядитъ на путника въ недоумѣньи.
«Бояринъ Дмитрій!.... это ты ли?
«Но нѣтъ; это не онъ.....
«Это призракъ, лживый сонъ.
«Мои очи еще на забыли
«Его лица... прелестныя черты
«И взглядъ пылкій, молодой.
«О мой бояринъ!.... это ты?
«Усталый, блѣдный и худой
«Откуда и какой судьбой?»
И на рѣчь привѣтную его
Обласкалъ онъ слугу своего,
Робко обвелъ онъ глазами,
И входитъ онъ въ темный домъ.
Но всюду пусто, тихо въ немъ....
И очи наполнились слезами.
Грустной мукою томимъ,
Ни одной не видитъ родной тѣни.

Только шаткія ступени
Отъ шаговъ зыблются подъ нимъ.
Ряды покоевъ онъ проходитъ,
Гостинныя, залы и кабинетъ;
Но вотъ родительскій портретъ,
И кверху очи онъ возводитъ.
Снялъ портретъ и къ сердцу жметъ.
«О мой отецъ! взгляни на сына,
«Какъ горька его судьбина....
«Въ семъ мірѣ радости мнѣ нѣтъ.»
Склонилъ главу онъ, слезы льетъ;
Но вотъ покой, гдѣ въ юныя лѣта
Онъ беззаботно, весело игралъ.
Дождавшись ласковаго привѣта,
Отца и мать свою встрѣчалъ.
Такъ представлялось ему живо
Много счастливыхъ минувшихъ дней.
И въ его памяти унылой
Залегло много скорбей.
Онъ въ тоскѣ лихорадочной
Склонился на кресло и дрожитъ,
И въ своей памяти загадочной
Былое счастіе твердитъ.
«Разрушились мои желанія
«Не забылся пророческій обманъ;

«Разсѣялись младыя упованія
«И много открылось въ сердцѣ ранъ.
«Рѣшаются болѣзненныя силы
«Игравшія силою моей,
«Влачить я долженъ дни унылы,
«И на днѣ своей могилы
«Схоронить много скорбей.
«Уже наказанъ я довольно,
«Утомленъ жестокою борьбой.
«Тяжело душѣ моей и больно.....
«Марія!.... Марія!.... ты всему виной....
«Ужь счастьемъ мнѣ не наслаждаться;
«Отъ счастья я отвыкъ давно,
«И суждено мнѣ вѣкъ терзаться,
«И терзать мнѣ за одно.
«Отъ тебя требовать любви не смѣю,
«Не для меня твоя любовь.
«Но какъ знать? быть можетъ вновь
«Я завтра назову своею?
«Но вотъ пробилъ ужъ часъ урочный;
«Въ родномъ дому, въ тиши полночной
«Я успокоюсь отъ волненья;
«А завтра разрѣшу сомнѣнья.»

IV.

Проснулось утро дорогое;
Дохнуло свѣтомъ, вѣтеркомъ,
И свѣтлое небо голубое
Рябитъ отраднымъ серебромъ.
Померкла лунная краса,
И ужь на небѣ не горитъ
Благотворная утрѣнняя роса,
Всюду природу животворитъ.
Взошло солнце.... лучъ играетъ....
Кругомъ не видно облаковъ,
И токъ гремучій протекаетъ
Между пышныхъ береговъ.

Проснулся Вольскій. Мутный взоръ
Робко кругомъ себя обвелъ;
Но тоска, и страхъ, укоръ
Имъ какъ будто снова овладѣлъ.
Но скоро всталъ онъ и умылся,
Усердно Богу помолился;
Спѣшитъ выйдти на болконъ....
Но вотъ садъ, гдѣ онъ игралъ,
И вотъ цвѣты; онъ ихъ самъ сажалъ...

Изъ груди вырвался тяжкій стонъ:
О милые цвѣты!. васъ поливалъ
И хлопоталъ объ васъ самъ я.
И вы разцвѣли... а я увялъ.
И роса не освѣжитъ уже меня!
Кругомъ глядитъ—но все тѣ же
Поля, нивы и лѣса.
Они цвѣтутъ какъ цвѣли прежде;
Не измѣнилась ихъ краса.
Въ берегахъ токъ гремучій
Все также весело бѣжитъ,
И пѣной бѣлой и кипучей
Къ себѣ путниковъ манитъ.
И видитъ церковь, гдѣ отпѣтъ
Отецъ и мать; ихъ прахъ милый
За рѣшоткою; надъ ихъ могилой
Кресты осмиконечные горятъ.
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Онъ поднялъ взоръ на небеса;
Но ему не понятны чувства....
И онъ предавался содроганьямъ.
Надежда тихая смѣняла,
И въ немъ горесть услаждала.
Трепетало сердце упованьемъ,
И на домъ свой опустѣлый

Глядѣлъ съ душой осиротѣлый;
О прошломъ счастіи минувшихъ лѣтъ
Носился мыслію бывалой;
Но теперь угрюмый, одичалый
Мечтаетъ о томъ, чего ужь нѣтъ.
«Какое будетъ наслажденье
Теперь моихъ текущихъ дней?
Окончу ль я свои мученья
И соединюсь ли вмѣстѣ съ ней?
Или хоть на краткое мгновенье
Въ сей жизни судьба бы насъ свела,
Хотя бы едино назначенье
Намъ для свиданія дала.
И я бы всю любовь ея понялъ.
Но если съ ней миную встрѣчи,
То услыхать бы ея хоть рѣчи,
И я бы тайну сердца ея разгадалъ.
И онъ дядьку своего зоветъ,
Викентій, другъ, скажи скорѣе
Жива ли, и гдѣ она... моя.... Марія?
Или ея давно ужъ нѣтъ?
Скажи — она помнитъ ли обо мнѣ,
Когда я былъ въ чужой странѣ?
Или она уже забыла
И нарушила нашъ обѣтъ?

Кого другаго полюбила?
Другъ, Викентій, дай отвѣтъ!

Викентій.

О мой бояринъ! Удовлетворить
Готовъ твое желанье.
И какъ могу отъ васъ я скрыть
Свое ничтожное знанье?
Все скажу, что̀ знаю я.
Марія жива,—но не твоя....
Вотъ ужь полгода какъ она
Съ какимъ-то княземъ обручена.
И слышалъ я, ужь говорятъ,
Свершится скоро ихъ обрядъ
Къ вѣнцу все готово;
Но медлитъ что-то все Марія.
И часто средь мрака ночнаго
Гуляетъ въ саду. И слышалъ я,
Что ей постылъ ея женихъ.
Но грозный ея отецъ
Словъ не принимаетъ никакихъ.
Говорятъ, скоро всему конецъ.
Еще за тайну вамъ открою:
Марія не разъ ужь присылала
Своего слугу; въ полночь глухую
Объ васъ, бояринъ, узнавала.

Слугу никто не замѣчалъ....
Среди темноты ночной,
Лишь я всегда его встрѣчалъ,
Не наруша ничей покой,
И провожалъ .. и какъ-то разъ
Онъ всю причину мнѣ сказалъ.
Марія тоскуетъ все объ васъ,
И что никто объ томъ не зналъ.
И Вольскій дико бросилъ взоръ
На ту знакомую долину,
Гдѣ онъ зналъ радость и кручину.
Въ душѣ тѣснился страхъ, укоръ....
И видно какъ младая кровь
Въ немъ волновалася отравой.
Грозна была его любовь, —
Еще грознѣе стала вновь....
Совершу свой замыселъ лукавый.
Страшна мученьемъ жизнь моя,
Но ихъ обѣтъ нарушу я,
Разожгу свой буйный жаръ
И совершу свой пагубный ударъ.
Марія!.. милая Марія!
Марія, царь души моей!
Ужели ты такого злодѣя
Будешь ласкать на груди своей?

Я не забуду ту минуту роковую,
Когда ты, Марія, была моей,
Когда я въ пылу страстей
Обнималъ красавицу младую.
Когда я былъ въ чужой странѣ,
И ты все помнила обо мнѣ.
Поникъ на землю онъ главою;
Отъ рыданья сжалась его грудь;
Не могъ свободно онъ вздохнуть.
Димитрій, Димитрій, что съ тобою?
Зачѣмъ себя такъ терзаешь?
Спѣши туда, спѣши скорѣй,
И Марія будетъ твоей.
Ты отъ нея тамъ все узнаешь...
И онъ превозмогъ свои мученья;
Дядьку за руку схватилъ,
Точно почуя облегченье,
Его прерывисто спросилъ:
«А мой отецъ, жизнь кончая,
Сына своего простилъ ли онъ?
Или засыпая вѣчнымъ сномъ
Уста шептали проклиная».

Викентій.

Бояринъ!.. одно есть слово;
Но вотъ духовная готова:

Лежа на одрѣ, предъ концомъ,
Она писана вашимъ отцомъ.
Превозмогая страданія могилы,
Зажглись въ немъ гаснущія силы;
Онъ нарушилъ свой покой
И писалъ дрожащею рукой.
Отдалъ мнѣ... и сказалъ рѣчь,
И я на старости своихъ лѣтъ
Ее могъ въ памяти сберечь.
Покидая здѣшній свѣтъ,
Онъ, отдавая мнѣ, сказалъ:
«Тебѣ отходную вручаю,
«Твой добрый нравъ я знаю;
«Тебя самъ Богъ мнѣ указалъ,
«И ежели какой судьбой
«Димитрій воротится домой,
«Бумагу эту ему отдай;
«Но до тѣхъ поръ ты сберегай.»
И я берегъ—вотъ она,
Мной какъ даръ хоронена.

И онъ дрожащими руками
Бумагу роковую взялъ;
Сорвалъ печать—и читалъ
Онъ непонятными словами.

И видны въ немъ тайныя страданья,
То нетерпѣливыя ожиданья,
Въ порывахъ быстраго движенья
То непонятное содроганье,
И души его мутное волненье,
Точно гибельной стрѣлой
Его душу проникаетъ,
Огонь и холодъ гробовой
По его сердцу разливаетъ.
Прочелъ—и легкій вздохъ
Вылетѣлъ изъ груди его:
«Отецъ простилъ; порукой Богъ ...
Простилъ онъ сына своего.»
И онъ тихими шагами
Кругомъ по комнатамъ ходилъ,
И быстро мутными глазами
Повсюду вкругъ себя водилъ.

V.

Свѣтло на небѣ солнце блещетъ,
И полудневный жаръ пылаетъ;
Ручеекъ въ берегахъ блещетъ,
Пастухъ со стадомъ отдыхаетъ

Въ лѣсу отъ солнца, и играетъ
Пѣсню веселую въ рожокъ.
Собака, вѣрный его дружокъ,
Лежитъ у ногъ и завываетъ.

Крестьяне мирные въ поляхъ
Свои работы оставляютъ;
И тоже кое-гдѣ, въ кустахъ
Отъ жару знойнаго отдыхаютъ.

У храма сельскаго, за холмомъ
Былъ виденъ путникъ молодой;
И онъ съ поникшею главой
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Мутный взоръ на небеса
Порой онъ часто устремлялъ,
И слезами полные глаза
Невольно на землю опускалъ;
Надъ прахомъ тлѣющихъ костей,
Точно ждалъ тайнаго свиданья....
Повсюду тихое молчанье....
И онъ рукою дрожащею своей
Отиралъ слезу, текущую изъ очей;
Съ тоской и грустью безнадежной
Сидѣлъ, склонивъ свое чело, —

И ничто усладить не могло
Здѣсь духъ его мятежный.
И долго, долго, онъ уныло
Надъ прахомъ мирнымъ сидѣлъ,
Глазами мутными смотрѣлъ;
И сколько грусти боязливой
Онъ въ сердцѣ у себя таилъ,
Человѣчій умъ не разгадаетъ.
Что путникъ молодой мечтаетъ?
Зачѣмъ онъ здѣсь такъ долго былъ?
Чья жизнь тяжка, тотъ поневолѣ
Привыкнетъ жить въ суровой долѣ;
Но негонимою судьбой
Младые дни свои провелъ
Въ чужихъ странахъ; но самъ собою
Нести онъ бремя захотѣлъ,
Любовью созданный въ бѣдахъ;
Любовь заставила скитаться,
Она всегда въ его мечтахъ....
Увы!.. не могъ онъ съ ней разстаться.
Но вдругъ какъ будто онъ очнулся!
Глядитъ, и тяжело вздохнулъ,
Едва сквозь слезы улыбнулся,
И вздохъ какъ что ему шепнулъ.
Всталъ, и съ надеждой неземной

Колѣно тихо преклонилъ,
И съ горячею мольбой
На небо взоръ свой устремилъ,
И мнится, свѣжая могила
Ему подпору возвратила,
Въ порывахъ его движенья
Замѣтны тайныя волненья:
«Пора! пора! пойду скорѣй....
«Тамъ все провѣдую о ней!»
Взялъ посохъ трепетной рукой
И пошелъ тропинкой луговой.

VI.

Ужь солнце къ западу склонялось,
Бросало яркій лучъ, не знойный,
Скрывалось за лѣсомъ спокойно....
Едва на вершинахъ отражалось.
Скрывался на западѣ прекрасный день,
Шла за нимъ вслѣдъ ночная тѣнь.
Тиха природа; сводъ небесъ
Отрадно межъ облаковъ синѣетъ.
Тихо шепчетъ темный лѣсъ;

Свѣжій вѣтерокъ съ поляны вѣетъ.
О день прекрасный! еслибъ ты
Уносилъ душевныя волненья,
Разсѣивалъ мрачныя мечты
И сновъ тревожныхъ видѣнья....
Но ты въ блескѣ золотомъ
Оживляешь каждаго зарею;
Поля окропленною росой
Ты сушишь солнечнымъ лучемъ.
Но душевнаго волненья
И сердца овладѣвшаго тоской,
И мыслей быстраго стремленья
Не освѣтишь своей красой,
Не вселишь въ него успокоенья!

Вотъ одинъ, узкою тропой
Идетъ тихо путникъ мододой;
И онъ быстрый свой взоръ
Кругомъ задумчиво бросаетъ.
Но вотъ предъ нимъ лѣсной боръ....
Онъ что-то ему напоминаетъ:
Какъ во дни веселые бывало
Съ Маріей въ этомъ бору гулялъ....
Но прошло время не мало;
Какъ будто лѣсъ не тотъ ужь сталъ.

Но онъ тропинкою лѣсной
Идетъ влекомый мечтой....
Проходитъ онъ....
И видитъ давно желанный ему домъ.
И какъ у него сердце забилось;
Оно терялось въ мечтахъ;
И въ немъ дыханье прекратилось.
Блестѣли слезы на глазахъ;
Но вдругъ улыбка на устахъ
Показалась. И быстрый взглядъ
Бросилъ на этотъ лугъ, на этотъ садъ;
Мнилось будто ему знакомы
Эти великолѣпныя хоромы;
И прекрасный садъ съ его цвѣтами
Прошедшимъ вдругъ оживленъ.
Какъ съ незабвенными друзьями
Опять встрѣчается онъ;
Какъ будто что его манитъ,
Привѣтъ какой-то тамъ находитъ;
Лѣсокъ по прежнему шумитъ,
И тѣнь знакомую наводитъ.
Подходитъ къ дому; но кругомъ
Повсюду царствуетъ тишина.
Лишь восходящая луна
Едва отражастся на немъ.

Онъ входитъ въ садъ.... и Боже мой!
Что же взоръ его встрѣчаетъ?
На балконѣ, озаренномъ луной,
Онъ знакомыя тѣни примѣчаетъ;
Онъ сталъ за кустъ; онъ едва дышетъ;
Онъ разговоръ ихъ слышитъ.

«О чемъ ты, Марія, все тоскуешь?
Скажи, что сталося съ тобой?
Повѣрь, напрасною тоской
Младую жизнь свою погубишь.
Не проходитъ дня, чтобы изъ очей
Твоихъ не лились горячія слезы,
И часто средь лунныхъ ночей
Ты сидишь подъ склономъ березы.
Ты ждешь его.... увы! напрасно....
Объ немъ три года слуху нѣтъ.
Зачѣмъ терзать себя всечасно?
Быть можетъ онъ покинулъ свѣтъ,
Или въ сторонѣ дальней и чужой
Онъ занесенъ теперь судьбой?
Чтобы не встрѣтиться съ тобою,
Скитаться будетъ онъ вѣкъ свой.»

Марія.

«Зачѣмъ напрасно утѣшаешь?...

Въ моей тоскѣ оставь меня!
Елена, повѣрь, ты еще не знаешь,
Что плачу я не за себя?
Въ моей суровой, тяжкой долѣ
Слезы льются по неволѣ.
На бѣломъ свѣтѣ мнѣ остаться,
Зачѣмъ томиться и страдать?
Тоской и совѣстью терзаться,
О немъ всечасно вспоминать?...
Оставь меня судьбѣ суровой,
Какъ всѣ оставили меня!
Я не расцвѣту для любви новой,
Я кончу жизнь, его любя....
Такъ суждено судьбой жестокой
Чтобы сломался намъ вѣнецъ;
Не долго буду жить одинокой;
Я встрѣчу скоро свой конецъ.»

Елена.

«И такъ ужасно
Зачѣмъ терзать себя напрасно?
Тебя кольцомъ онъ подарилъ
И клялся любви не измѣнить.
Твою любовь онъ здѣсь дорого цѣнитъ;
Но тамъ онъ не можетъ оцѣнить.

Быть можетъ въ чужой сторонѣ
Димитрій забылъ ужь о тебѣ.
Оставилъ родину, и съ другой
Теперь смѣется надъ тобой.»

Марія.

«Пусть смѣется; но онъ мнѣ милъ....
Нѣтъ, онъ любви не измѣнилъ....
Я не забуду прошедшихъ лѣтъ,
Когда его взоръ мнѣ счастіе сулилъ.
Нѣтъ, онъ не нарушитъ свой обѣтъ!
Взгляни, вотъ его портретъ....
Онъ самъ его мнѣ подарилъ.
Какъ правильно его здѣсь лицо,
Онъ на память мнѣ изобразилъ.
Но вотъ обручальное кольцо....
Насъ самъ Богъ съ нимъ обручилъ.
Но увы!.. суровый мой отецъ
Не имѣетъ жалости для сердецъ.
Какъ гнѣвъ Божій, какъ ударъ
«Разстаньтесь» онъ намъ сказалъ.
И онъ несчастный не снесъ презрѣнья.
Покинулъ родительскій домъ....
Повѣрь, не станетъ и терпѣнья
Все разсказать тебѣ о немъ.

И вотъ, какъ видишь, мой отецъ
Въ женихи князя мнѣ избралъ.
Теперь всему конецъ.....
Черезъ два дня свадьба, онъ мнѣ сказалъ.
Но могу ли я сердце перемѣнить?
Могу ли я его такъ любить?
И сколько разъ князь присталъ....
Съ той поры какъ обручились,
И сколько разъ утѣшалъ
Меня — «какъ измѣнились»
Онъ говорилъ; но я молчала,
Или хладнокровно отвѣчала.
Я не могу такъ лицемѣрить;
Бѣда мнѣ сердце разувѣрить.... »

Елена.

«Но къ свадьбѣ все давно готово,
Осталось только за тобой.
Отказу ждать еще какого?
И ждетъ давно ужь васъ святой
Укрытый бархатомъ налой.»

Марія.

«Нѣтъ, не вѣнчаться! лучше могила
Пусть будетъ вѣчный мой удѣлъ.
Смерть давно меня манила

Съ тѣхъ поръ какъ Димитрій улетѣлъ.
Быть можетъ, съ новымъ днемъ
Завтра лежать я буду мертвецомъ.
И не увижу милой встрѣчи....
Мнѣ дни блаженны не придутъ,
И въ храмѣ вѣнчальныя свѣчи не зажгутъ.
Я не пойду съ нимъ въ Божій храмъ;
Стоять не будемъ подъ вѣнцами....
Что̀ судьба готовила намъ,
То разрушено все небесами.
Бывало только тѣнь ночная
Настанетъ, и взойдетъ луна —
Накинувъ шаль, и въ садъ одна я
Иду и жду желанія полна.
И въ той бесѣдкѣ, при лунѣ,
Въ любви всегда онъ клялся мнѣ.
И говорилъ, что я съ тобой,
Мой милый другъ, обвороженъ.
Порукой Богъ! я обрученъ
Съ тобой и сердцемъ и душею.
Однажды утро молодое
Со мною вмѣстѣ онъ встрѣчалъ;
Далъ кольцо мнѣ золотое
И крѣпко такъ поцѣловалъ,
И тамъ подъ тѣнью.... но что̀ такое?

Что тамъ шевелится въ кустахъ?
Иль привидѣніе какое?
Меня беретъ невольный страхъ.»

И сильно стѣснилась ея грудь;
Но она опять на кресло сѣла,
И въ садъ задумчиво глядитъ,
Свободно не могла вздохнуть....
Кругомъ царствовала тишина....
Склонясь улекся мотылекъ,
Только гремѣлъ быстрый ручеекъ.
Во всемъ видна было весна;
Въ домѣ давно потухли свѣчи.
Но вотъ опять ихъ слышны рѣчи.

Елена.

«Что такъ задумалась ты въ горѣ?
Марія!.. другъ мой!... успокойся!
Какой-то ужасъ въ твоемъ взорѣ
Я вижу; но прошу, откройся....
Какъ ты встревожилась сейчасъ!
Это ночной дунулъ вѣтерокъ
И качнуло зеленый кустокъ.»

Марія.

«Сколько разъ
Случалось это, и теперь мое чело

Сомнѣнье страшно облегло.
Зачѣмъ я рождена на свѣтѣ?
Было счастье, его ужъ нѣтъ....
Какъ въ ручьѣ пролетная вода
Оно исчезло навсегда,
И въ замѣнъ тоска мнѣ вѣчная дана.
Но о немъ и тоска мнѣ не страшна.
Удѣлъ мой гробъ и душная могила!
Любовь есть пагубный обманъ....
Она исчезла какъ туманъ, —
И мнѣ жизнь съ тѣхъ поръ постыла.
И на бесѣдку она глядитъ въ тоскѣ.
«Ужели это вѣтръ ночной
Колышетъ шелковой травой?
Чу!.. слышенъ шорохъ не вдалекѣ....
Но не вѣткомъ ли занесенъ
Изъ кустовъ слабый, тихій стонъ?»
Марія тайнымъ страхомъ полна,
И тихо въ садъ сходитъ она.
Чей это стонъ? — и отъ чего?
Но что сердце сильно бьется,
Оно изъ груди какъ будто рвется.
Ужъ нѣтъ ли здѣсь.... его.
И быстрый взоръ она стремитъ....
Вдругъ — путникъ передъ ней стоитъ.

При свѣтѣ трепетной луны
Видно станъ его младой
И ликъ блѣдный и худой,
Глаза мутные, слезъ полны.
Предъ ней стоитъ онъ недвижимъ,
Какой-то тайною томимъ;
Она глядитъ; но страхъ сильнѣй
Чѣмъ бы предсталъ предъ ней злодѣй.
О Боже!.. какъ? во тьмѣ ночной?
Откуда, и какой судьбой?
Бѣжать хотѣла, но сила
Надеждѣ пылкой измѣнила.
Хотѣла вскрикнуть, но она
Въ тайнѣ совѣстью смущена.
Дрожатъ колѣна, и блѣдна
Она стоитъ какъ майская луна.
И узнала кто предъ нею былъ,
Кто такъ давно сердцу милъ.
Димитрій! ты ли? ахъ Боже мой!
Здѣсь, въ саду, ночной порой!
Но онъ не вдругъ отвѣтъ ей далъ.
Онъ тихо голову приподнялъ
И взоръ на Марію устремилъ;
Казалось страхъ его смутилъ,
Мнитъ: гдѣ тѣ же прелести у ней,

Которыя цвѣли какъ алый цвѣтъ;
Въ ея устахъ улыбки нѣтъ,
И свѣтлый взоръ ужъ сталъ темнѣй.
Она стоитъ, и какъ волна
Вздымаясь подъ тонкой пеленой
Дыханье груди молодой,
Но безжизненна и хладна....
Вкругъ плечъ мраморныхъ и нагихъ
Вьется струя волосъ густыхъ.
Но гдѣ же тѣ розы на щекахъ,
Улыбка райская на устахъ?
Казалось ему, стоитъ предъ нимъ
Что̀ на полотнѣ мы часто зримъ.

VII.

Видали ль какъ мученикъ любви
Томится любовью безнадежно?
Возьмите примѣръ, друзья мои,
Что надѣяться еще возможно....
Случалось ли послѣ трехъ тяжелыхъ лѣтъ
Увидѣть этотъ милый предметъ
И назвать своимъ? — О друзья!
Конечно растаялъ бы здѣсь я....

Димитрій, что же ты молчишь?
Что на меня ты не глядишь?
Скажи хоть слово, другъ мой милый.
Развесели свой взоръ унылый,
Или склони главу ко мнѣ на грудь.
Какъ здѣсь бывало во тьмѣ ночной
Ты забывалъ весь міръ земной, —
И теперь ты все забудь.
Тогда дрожаща и блѣдна
Къ нему приблизилась она;
Взоръ недовѣрчивый устремляла,
Какъ будто снова узнавала.
Но онъ, казалось, устремлялъ,
Всю память къ минувшимъ днямъ.
И мнилось сказать много бы желалъ,
Но себя опредѣлить не могъ онъ самъ.
Страхъ камнемъ на сердцѣ лежитъ
И той слова, кто такъ мила,
Вдругъ тайный ужасъ навела.
И робость мучитъ и крушитъ;
Но скоро жаръ остылъ съ чела,
И робость тайная прошла.
Но съ торопливостью живой
Онъ какъ будто бы очнулся,
Склонилъ главу и улыбнулся.

Невольно взоръ потупилъ свой;
Собравшись съ новою мечтой
И руку онъ къ груди прижалъ,
Въ пылу любви онъ ей сказалъ:

«Марія, милая Марія!
Марія, ангелъ красоты!
Тебя люблю, будь моею....
Свою пламенную любовь
Сегодня доказала ты....
И уже остывающую кровь
Сегодня разогрѣла вновь.»

И въ его лицѣ исчезъ укоръ....
Онъ зритъ на дѣву; онъ внимаетъ:
Въ очахъ его любовь пылаетъ,
Желанья тайнаго полнѣ взоръ.
Но тихо дрожащею рукой
Она его за руку взяла,
И вдругъ холодною струей
Дрожь по его тѣлу пробѣгла.
Рукой на бесѣдку указала
И тихо шопотомъ сказала:
«Димитрій, не медли, иди со мной....
Но кто увидитъ, знаетъ тотъ,

Насъ обоихъ проклянетъ!
Въ бесѣдкѣ, тамъ, въ тѣни густой,
Никто насъ не замѣтитъ;
Но взгляни какъ луна свѣтитъ....
Елена подруга здѣсь со мной....
Но это скроетъ все она;
До гроба будетъ мнѣ вѣрна.»
Летя мечтою вдохновенной,
Взялъ за руку, и вмѣстѣ съ ней
Къ бесѣдкѣ луною озаренной
Шелъ, не находя рѣчей.
Взошли въ бесѣдку; и руку сжала....
Она опять такъ продолжала:
— «О милый другъ! здѣсь съ тобою....
Мы сведены опять судьбою.
Три года взоръ потухшій мой
Твоего взора не встрѣчалъ,
И страхъ мою душу проникалъ,
Когда ты былъ въ странѣ чужой.
Но я съ тобою не разлучалась.
И мнѣ казалось вѣкъ унылый....
Ты повѣришь, какъ сердце билось....
А все по тебѣ, о другъ мой милый!
Три раза жестокая зима
Кругомъ природу всю ковала,

И все это время я сама
Какъ цвѣтъ поблекшій увядала.
Три раза зеленыя поля
Весна цвѣтами украшала;
Но другъ мой! она меня
Своей благодатью не оживляла.
Мой вѣкъ усыпанъ былъ цвѣтами
Съ тобою вмѣстѣ; когда цвѣла,
Свою грудь лобзаньемъ жгла.
Съ тобой носилась я мечтами;
Но съ тѣхъ поръ какъ тебя рѣшилась,
Веселыхъ дней я не видала,
Въ тоскѣ горести томилась.
Увы! жестоко я страдала,
Когда отецъ мнѣ возвѣстилъ,
Что тебя замужъ отдаю —
И этимъ словомъ поразилъ
Еще растерзанную грудь мою.
Отъ меня отвѣта онъ не ждалъ
И день помолвки назначалъ.
Пріѣхалъ князь; гостей созвалъ;
Меня съ нимъ силою обручилъ....
Я вижу: то крушитъ тебя,
Что замужъ выдаютъ меня,
Что князь женихъ мой нареченный.

Клянусь любовью неизмѣнной
Согласно жизнь свою рѣшить
Чѣмъ замужемъ за княземъ быть.
Ужъ не одинъ разъ назначалъ
Обрядъ брачный совершить;
Но недугъ силъ меня лишалъ....
И отецъ принужденъ былъ отложить.
Но вчера, къ себѣ призвалъ меня
И мнѣ сурово объяснилъ,
Чтобы черезъ три дня
Къ свадьбѣ готова была я.
Пріѣдетъ князь.... Еще спросилъ —
Зачѣмъ вечернею зарею
Ты ходишь по саду одна?
Или печальна и блѣдна
Украдкой слезы льешь рѣкою?
Что крушитъ сильно тебя,
Зачѣмъ скрываешь отъ меня?
Но скрыть гнѣвъ я захотѣла,
Хоть мысль черная раждалась,
Хоть сердце гнѣвомъ разгоралось,
Лишь на отца я посмотрѣла,
Главу склонила, содрогаясь.
— «Что не даешь ты мнѣ отвѣтъ?
Или у тебя рѣчей нѣтъ?»

И на меня бросилъ дикій взоръ....
Въ немъ видно совѣсти укоръ...
Онъ вышелъ, а я осталась;
И какъ душа моя терзалась!
Въ тайнѣ клятву я дала
Лучше жизнь младую прекратить,
Чѣмъ съ немилымъ въ бракъ вступить.
Но его послѣднія слова
У меня въ ушахъ долго звучали,
И мое сердце уязвляли.
Теперь, другъ мой, утѣшенье,
Его доставилъ ты мнѣ вновь.
Твое нечаянное явленье
Возвратило мнѣ прежнюю любовь.
Восторгъ жизни и сладость
Вселилъ ты въ сердце радость;
Сгорая я теперь желаньемъ,
Сожгу тебя своимъ лобзаньемъ.
И я какъ прежнею порой
Тобою буду любоваться,
И ты, путникъ молодой,
Не будешь болѣе скитаться
Въ чужихъ, далекихъ сторонахъ.
О будь, мой другъ, всегда при мнѣ,
И вѣкъ живи въ моихъ мечтахъ!

Любовь я докажу тебѣ....
Я готова жить въ пустынѣ
Съ тобою, другъ души моей.
Люби меня! никто донынѣ
Веселыхъ не видалъ моихъ очей.
Не знаю я, какой-то силой
Къ тебѣ я вся привлечена....
О неразлюби меня, другъ милый!
Моя душа тобой упоена.»
Но онъ съ безмолвнымъ томленьемъ
На дѣву милую взиралъ
И полный тайнымъ размышленьемъ
Любви Маріиной внималъ.
Его отягощенная глава
Безмолвно на руку поникла,
И юной дѣвицы слова,
Казалось, грудь его проникли.
Въ его умѣ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И по щекамъ его катились
Слезы счастья изъ очей.

Какъ робко хладными устами
На любовь нѣжную отвѣчать....
Предъ дѣвой съ смущенными глазами

Ея восторгъ живой встрѣчать....
Долго, долго, онъ безмолвно
Мечты разсѣянны сбиралъ,
Потомъ вздохнулъ, и вздохъ невольно
Какъ будто что ему сказалъ.
Въ любви невинной и живой
Какъ сердце нѣжно его билось,
И невнятно что то пробудилось
Въ его груди пылкой и младой.
Не хочетъ болѣе таиться;
Во всемъ желаетъ ей открыться;
Страсть любви безъ упованья
Давило сердце какъ свинецъ,
И передъ Маріей наконецъ
Всѣ излилъ свои страданья.
— «Марія! сердца утѣшенье!
О ежели бы ты знала,
Какъ горько было разлученье
Съ тобою! и какъ гнала
Судьба жестокая меня!
Но отъ тебя не скрою я,
Если хочешь знать судьбу мою,
И что со мной сбылося....
Но знай, что все сердце излилося
Мое отрадно въ грудь твою.

Мой милый другъ, твоей любви
И твоей ласки я не стою;
Но ты печаль дѣлишь со мною
И радость общую раздѣли....
Когда могла ты замѣнить
Моей души давнишній хладъ....
Могу ль теперь я оцѣнить
Твою любовь, твой милый взглядъ?
Давно отвыкъ отъ сладострастья,
Для любви живой окаменѣлъ;
Три года не зналъ я счастья,
Лишь только мечтой къ тебѣ летѣлъ.
Безъ любви и безъ желанья
Я сохнулъ жертвою страстей,
Не видя жаркаго лобзанья,
Не слыша милыхъ рѣчей.
Разрушились мои упованья,
Ничего не видѣлъ въ мірѣ я,
И всѣ безумныя желанья,
И всѣ несчастныя мечтанья
Тамъ всѣ скрылись отъ меня.

«Въ мірѣ людей извѣдалъ я,
Узналъ мирной жизни цѣну;
Ко многимъ главу свою преклонялъ;

Но вездѣ встрѣчалъ одну измѣну,
И наскучили мнѣ чужіе народы....
Вспомнилъ я родной предѣлъ....
Со всегдашнею грустью свободы
Я въ край родимый полетѣлъ,
Гдѣ я тебя, мой другъ, любилъ,
Гдѣ встрѣчалъ твои лобзанья
И гдѣ любовью погубилъ
Мои всегдашнія желанья.
Но теперь опять я заключилъ
Тебя.... О мое воспоминанье!....
Мнилось мнѣ, зачѣмъ прежде
Встрѣчалось ты моимъ очамъ?
Въ тѣ дни, какъ предавался надеждѣ,
Всегдашнимъ вѣрилъ я мечтамъ....

«Ты видишь слѣдъ моей любви,
Слѣдъ любви несчастной;
Ты слышала мой путь ужасный....
Люби меня! — и пожалѣй....
Въ своихъ объятіяхъ согрѣй!»
И обхватилъ жадною рукой
Станъ легкій дѣвы молодой,
И безмолвно склонился
Онъ отягощенною главой,

И взоръ потухшій къ ней стремился....
Онъ страсть Маріи понимаетъ;
Но быстрый взоръ и жаръ манитъ....
Все въ немъ снова оживаетъ....
Но вотъ Марія говоритъ:
— «Димитрій, вижу какъ нѣжно
Ты цѣнишь любовь и ласки мои
И какъ быстро и мятежно
Ты ждалъ часовъ моей любви.
Я часто, плача, въ тишинѣ
О тебѣ — и мой взоръ унылый
Часто видитъ и во снѣ
Твой образъ мнѣ вѣчно милый.
Тебя зову, къ тебѣ стремлюсь,
Твоимъ рѣчамъ внимаю;
Тебѣ во снѣ я предаюсь,
Тебя во снѣ я обнимаю.
А проснусь, всегда слезы лью;
Повсюду признакъ за мной бродитъ,
И на душу хладную мою
Тоску ужасную наводитъ.
Теперь готова изъ жалости одной
Любовью и лаской непритворной,
Трудомъ, заботою покорной
Сберегать дорогой тебѣ покой.

Но что проснулось тамъ въ дому?
Чей это шорохъ за кустами?
Кто ходитъ поздно такъ въ саду?
Ужъ не слѣдитъ ли кто за нами?»
Ея отецъ средь вешней ночи
Сонъ отрадный не вкусилъ,
И онъ блуждающія очи
Повсюду вкругъ себя водилъ.
Въ сердцѣ жестокій ядъ нося,
Въ своемъ покоѣ заперся;
Но ему покоя нѣтъ давно....
Тоска жестокая его снѣдаетъ;
Совѣсть мучитъ, изобличаетъ....
Въ груди дыханье стѣснено....
Всталъ средь темной ночи,
Сидѣлъ онъ не смыкая очи.

Прочь мечта!... Мое слово
Дано, промолвилъ онъ сурово.
И вотъ, съ нахмуреннымъ челомъ
Онъ ходитъ скрежеща зубами,
И раскаленными глазами
Чего-то ищетъ онъ кругомъ.
Но потомъ, въ садъ идетъ скорѣе
И мнитъ — тамъ встрѣтится Марія.

Вышелъ, и дорожкой межъ кустами
Идетъ онъ скорыми шагами.

«Идетъ отецъ! Спѣши укрыться,
Чтобы не встрѣтилъ онъ тебя!
А я не могу къ нему явиться....
Взоръ его страшитъ меня.
Димитрій! я за тебя дрожу;
Меня беретъ невольный страхъ.
Но моя судьба въ твоихъ рукахъ,
Я твоей жизнію дорожу, —
Спѣши! съ тобой я буду каждый часъ.
Прости! — дай руку мнѣ....
Цѣлуй меня! еще хоть разъ....
Это залогъ любви тебѣ.»
И къ Маріи простеръ онъ руки,
Душой и сердцемъ къ ней летѣлъ
И сладкій поцѣлуй разлуки
На ея устахъ напечатлѣлъ.
И вотъ ужъ узкою тропой
Идетъ, спѣшитъ межъ деревами.
Проснулся сторожъ за вратами;
Но онъ скрылся въ темнотѣ ночной.

ВОЛЬСКІЙ.

ВОЛЬСКІЙ.

Часть II.

I.

О міръ земной, какъ ты прекраснъ
Во всемъ вліяніи своемъ!...
Порою милъ, порою ужаснъ;
Но вездѣ все дышетъ Божествомъ.
На небѣ ли солнце засіяетъ,
Луна ли полночная горитъ,
Роса ли природу окропляетъ,
Идетъ ли дождь, или громъ гремитъ,
Все что-то въ душу намъ вливаетъ....
Что-то тайное намъ говоритъ....

Весна и лѣто пройдетъ ли и снова
Въ лѣсахъ деревья пожелтѣютъ,
Въ садахъ цвѣточки поблѣднѣютъ.

Настала осень ужъ сурова;
Улетѣли птички молодыя
Въ край теплый и далекій;
Подуетъ вѣтръ сѣверный, жестокій
И нанесетъ тучи снѣговыя;
Поля и кровли забѣлѣютъ,
Повиснитъ иней кругъ вѣтвей:
И люди будто молодѣютъ,
Всякій идти спѣшитъ, скорѣй.
Ручьи и рѣки всѣ скуетъ;
Покроетъ все жестокій ледъ.
Пройдетъ зима, и опять снова
Подуетъ теплый вѣтерокъ;
Вздуетъ ледяныя оковы
И зашумитъ бурный токъ.
Растаетъ снѣгъ среди полей,
Спадутъ инеи съ вѣтвей. —
И снова откроется весна.
Луга, поля зазеленѣютъ:
Сады, лѣса всѣ забурѣютъ, —
И снова природа вся прекрасна.
Прилетитъ громкій соловей....
И съ подругой въ дубравѣ зеленой....
Всегдашнею трелью своей
Оглушаетъ онъ пѣсней веселой.

На небѣ солнце засіяетъ
И какъ нетлѣнными звѣздами
Луга усѣются цвѣтами;
Ручей отрадно засверкаетъ....
Вездѣ цвѣтетъ все красотою, —
И я ко всему лечу душою....
Все тайну знаменуетъ намъ.
Водами, небомъ и землею
Ты всѣмъ, о Боже, правишь Самъ!

II.

Подулъ въ полдень вѣтеръ бурный;
Клубятся тучи по небесамъ,
И потемнѣлъ востокъ лазурный. —
Все дождь предзнаменуетъ намъ.
Все притаилось, все молчитъ;
Въ тучахъ молнія змѣей вьется,
И лѣсъ темный весь дрожитъ.
Листъ трепещетъ, стебель гнется,
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Дождь ливмя вездѣ хлещетъ,
И сильнѣе громъ грохочетъ,
Поглотить что будто хочетъ.
Рѣка надулась, а берегъ плещетъ....

Прошли тучи по немногу,
Утихла буря; день свѣтлѣетъ....
Небесный сводъ кругомъ синѣетъ....
Съ поляны на грязную дорогу
Свѣжій вѣтерокъ ужь вѣетъ.
Во всей красѣ день пламенѣетъ; —
Луга омытые дождемъ, —
Все ароматомъ дышетъ.
Цвѣты подъ солнечнымъ лучемъ
Блестятъ повсюду жемчугомъ;
Ихъ вѣтерокъ тихо колышетъ.....
Но вотъ тропинкой луговой
Идетъ одинъ путникъ молодой.
Взгляните, какъ онъ боязливо
То станетъ, то вдругъ бѣжитъ.
Какая тайна неизъяснима
На сердцѣ у него лежитъ!
Какъ робко сердце молодое....
Но какъ пылаетъ въ немъ любовь....
Кипятъ чувства въ немъ и кровь.
Но намѣреніе каждый день иное,
И сердце съ юными годами
Жаръ не скоро въ немъ остынетъ;
Оно горитъ всегда страстями
И не скоро ихъ покинетъ.

Куда онъ шибко такъ бѣжитъ?
Какая его волнуетъ тайна?
Но вотъ опять ужъ онъ стоитъ....
Въ немъ духъ отравою кипитъ.
Склонилъ главу онъ, и случайно
Спросилъ тихонько самъ себя:
«Съ чего начну теперь я?»
И видно какъ его чело
Сомнѣнье страшное облегло.
Но вотъ онъ махнулъ рукой
И пошелъ тропинкой луговой.

Пойдемте съ нимъ, мои друзья;
Узнать желаю очень я,
Куда направилъ онъ свой путь?
Нигдѣ не хочетъ отдохнуть;
И вотъ онъ съ горы спустился
И черезъ бурный потокъ
Перешелъ ветхій мостокъ,
Приподнялся.... и въ кустахъ скрылся.
И долго, долго онъ шелъ мелькая
Тропинкой узкой луговой.
Но вотъ опять, едва ступая,
Поникъ безмолвною головой,
Упираясь на посохъ дрожащею рукой.

Ужь солнце къ западу склонялось;
На тучкахъ ярко отражалось;
И вотъ межъ деревами
Онъ видитъ церковь.... и къ ней
Спѣшитъ неровными шагами;
Но слезы градомъ изъ очей....
Никто не можетъ отгадать,
Что у него въ душѣ таится.
Быть можетъ суждено страдать,
Или на вѣки съ ней проститься.
Сей день (мечтаетъ онъ) страшнѣй
Будетъ всѣхъ прошедшихъ дней.
Ужели долженъ онъ рѣшиться
Или умереть или любить?
Ужели кровь должна пролиться...
И онъ злодѣю будетъ мстить?
Приближаясь къ храму, онъ склонился;
Склонивъ главу, перекрестился
И на могильный камень сѣлъ,
Подперши голову рукой.
Его грудь терзалася тоской;
Онъ вдаль задумчиво глядѣлъ.
О еслибы вы, души волненья.
Могли слѣдовъ не оставлять!...
Не знало сердце бы мученья,

Душа не стала бы страдать...
Вы проходили бы какъ сновидѣнья,
И каждый сталъ бы разцвѣтать;
Но васъ ничѣмъ не отразишь....
Иль сердце больше сокрушишь....
Но чье сердце на вѣкъ умерщвлено,
Быть можетъ исчезнетъ тамъ оно.

Но надежда не скоро броситъ насъ;
Она всегда намъ сулитъ радость.
Не вдругъ увянетъ наша младость —
За ней стремимся мы каждый разъ.
Она волнуетъ нашу кровь....
И мы, полные вдохновенья,
Оставляемъ прежнія впечатлѣнья
И снова ощущаемъ любовь.
Младаго путника вниманья
Его никто не привлекалъ;
Тѣснились въ немъ воспоминанья
Порой онъ взоры опускалъ
И сердечно глубоко вздыхалъ.

III.

Народъ въ храмѣ суетился;
Вездѣ свѣчи разставляютъ;
А кругъ храма рѣзвятся
Дѣти бѣгая играютъ.
А у дворовъ собрались толпой,
Крестьяне сельскіе стоятъ,
И на дорогу всѣ глядятъ;
Что-то говорили межъ собой.
Но вотъ; чу!... слышно за горой
Несется тройка удалая,
И вотъ за ней еще другая,
Еще, еще — и цѣлый рядъ....
Лишь колокольчики гудятъ.
Поднялись въ гору, сильнѣй пустились
И за кустами опять скрылись....
Крестьяне къ храму всѣ спѣшатъ.

Друзья! случалось ли когда вамъ
Жить далеко въ глуши печальной?
Не волновалъ ли тамъ
Васъ колокольчикъ дальній?
Что этотъ звукъ напоминаетъ?
Кто сильно любитъ и ревнуетъ,

Сомнѣнье духъ его волнуетъ,
И сердце робкое смущаетъ.

Но гдѣ же путникъ молодой?
Куда дѣвался онъ нежданно?
Нѣтъ ни на горѣ, ни подъ горой!
Пришлося видить намъ случайно
Какъ онъ всталъ, и скорами шагами
Сквозь толпу къ церкви стремился,
И куда? не знаютъ, скрылся.
Вездѣ народъ стоялъ толпами ...
Какъ вдругъ раздался сильный звонъ,
Звонятъ, гудятъ колокола....
Летитъ отгадчица молва.
«Зачѣмъ звонятъ?..· кто это онъ?»
И всѣ глядятъ въ недоумѣньи ...
«Ужь не горятъ ли гдѣ селенья?»
И межъ собою говорятъ:
«Зачѣмъ ударилъ онъ въ набатъ?»
И вотъ изъ ближняго селенья
Въ село крестьяне всѣ бѣгутъ;
Вездѣ тревожное волненье,
Запасъ пожарный вездѣ берутъ.
«Но гдѣ жъ пожаръ? не видно дыма»,
Бѣгутъ крестьяне; говорятъ ...

Но это что жь тамъ у храма,
Что такъ сильно тамъ шумятъ?
Подъѣхалъ поѣздъ. Боже мой!
Что тамъ случилось такой?
Невѣста бѣдная лежала
Почти безъ чувствъ полуживая;
Женихъ стоитъ; мраченъ умъ его;
Терзался жестокими мечтами.
И онъ смущенными очами
Глядитъ кругомъ.... а на него
Крестьяне взоры устремили,
Точно виновнымъ обличали.
Звонъ кончился, и передъ толпой
Явился путникъ молодой;
Тотъ кто терзается любовью,
Того и буря не страшитъ;
Всегда готовъ онъ жертвовать кровью;
Всегда онъ страстію горитъ.
И онъ въ пылу любви своей
Имъ всю причину объяснилъ....
И сильный бракъ разрушенъ былъ....
Но что же ты, женихъ надменный,
Съ любовью коварною твоей?
Не вѣнчаться тебѣ съ обрученной,
Не цѣловать ея прекрасныхъ очей.

И ты, злодѣй, коварно льстился,
Насильно съ нею въ бракъ вступить....
Но могла ли она тебя любить?
И предъ нею другъ ея явился.
Но гдѣ же отецъ ея суровый?
Нѣтъ его... куда онъ скрылся?
Съ какою хитростью новой
Ушелъ и съ нею не простился?
Когда кругъ поѣзда стояли
Крестьяне шумною толпой,
То думы мрачныя летали,
И злоба—надъ его мрачною главой.
Порывы злобныя страстей
Бѣжали изъ его очей.
Полонъ гордости надменной, —
И его взоръ смущенный
Явилъ всѣмъ.... что онъ
Внезапной злобой уязвленъ.
Мечта черная въ немъ раждалась;
Въ его жилахъ кровь кипѣла;
Душа сильно взбунтовалась;
Огнемъ лицо его горѣло.
Вдругъ содрогнулся.... и явилась,
Мечта въ немъ новая родилась.
Принявъ ужасный видъ,

И въ кустарникъ отдаленный
Онъ неудачей озлобленный
Въ безумномъ бѣшенствѣ бѣжитъ.
Клянетъ онъ дочь за оскорбленья
Клянетъ онъ день своего рожденья,
И скрылся въ тѣни лѣсной....
Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ роковой....
На выстрѣлъ бѣгутъ толпою
Крестьяне узкою тропою;
Бѣгутъ, глядятъ. О Творецъ!
Лежитъ онъ изступленный
Своею кровью обагренный.
Видно какъ тяжелый свинецъ
Жестоко въ голову проникъ,
И стонъ послѣдній испускаетъ;
Смертный сонъ надъ нимъ летаетъ.
Обезображенъ страшно ликъ....
Обмершей хладною рукой
Пистолетъ держитъ роковой;
Но сердце кровью обливалось
И едва тихо трепетало.
Вдругъ какъ будто разорвалось
И въ груди биться перестало.
Міръ тебѣ, старецъ дерзновенный!
Не снесъ ты гордости презрѣнной,

Стѣсненный злобою позора!
Ты самъ жизнь свою рѣшилъ
И мрачной совѣсти укора.
Съ собой на вѣкъ ты погубилъ.
Зачѣмъ совершилъ ты злодѣянье,
Свою главу опепелилъ?
Ты кончилъ жизнь безъ покаянья
И своей себя кровью обагрилъ.
Невѣстой князя ты дочь назвалъ;
Для нея ты жалости не зналъ;
Ты гордился честью своихъ лѣтъ, —
Но одна минута.... и тебя ужь нѣтъ.
Пробилъ тебѣ послѣдній часъ,
И твой гордый взоръ затмился,
Твой рокъ ужасный совершился;
Пламень жизни въ тебѣ погасъ.
Я помню какъ злобою томимый
Въ своемъ покоѣ ты сидѣлъ
Съ какой тоской невыразимый
Ты на дочь свою глядѣлъ.
И перемѣнивъ свой взглядъ злобный,
Ты говорилъ какъ ей покорный:
«Марія!... ты слышала волю мою;
Тебя я въ замужество отдаю.
Съ тобой мнѣ грустно разлученье;

Въ тебѣ мнѣ было утѣшенье,
Но покориться надо волѣ
Князя.. Онъ славенъ и богатъ!
Тебѣ супругомъ быть онъ радъ....
Ищи съ нимъ счастья въ новой долѣ;
Люби его, и будь ему вѣрна.
Ты съ нимъ во вѣки жить должна.

И какъ слова твои стрѣлой
Жестоко грудь ея проникли, —
И очи томныя поникли.
Она стояла передъ тобой,
Слезамъ воли дать не смѣя,
Блѣдна какъ ранняя лилея.
Въ унынiи грустномъ и нѣмомъ
Какъ осужденная отцемъ....
Ты помнишь какъ съ ней одною
Димитрiй бесѣдовалъ зарею?
Не могъ ты этого забыть?
Ты не сказалъ объ этомъ ей;
Ты не хотѣлъ ее губить....
Гордость въ тебѣ всѣхъ чувствъ сильнѣй;
Теперь ты взятъ уже могилой;
Но съ ней опять ей вѣчно милый.
Но долго ль будетъ онъ любоваться

Твоей невинной красотой?
Увы! не пришлось бы ему разстаться,
Моя красавица съ тобой....

IV.

Весеннимъ солнцемъ разогрѣта
Россія благодатная страна,
И легкимъ воздухомъ одѣта,
И кругомъ вся природа зелена.
Какъ все это радуетъ поэта!
Горѣлъ вполнѣ ужь день счастливый,
Одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней,
Которые такъ бережливо
Грѣютъ природу и людей.
Вѣтерокъ легкій подувалъ.
И тихо въ лугахъ шумѣло
Но кто задумчиво и не смѣло
Къ шуму прислушиваться сталъ?
Кто въ долинѣ одинъ блуждаетъ,
Гдѣ рѣка быстрая протекаетъ?
Не видно.... плащъ широкій
Онъ отъ насъ его скрываетъ.

Но передъ пропастью глубокой
Незнакомецъ съ себя его снимаетъ,
И мы узнали кто онъ такой.
То былъ путникъ молодой.
Зачѣмъ онъ здѣсь одинъ гуляетъ?
И солнца лучъ ужь догораетъ.
Но вотъ поникъ онъ головой,
И на немъ густые волоса
Віясь кругъ плечъ бѣжали,
Лицо младое оттѣняли,
И Марію плѣнявшія глаза.
Въ нихъ прежній пламень потухалъ.
И что-то часто онъ вздыхалъ....
Но кто же былъ тому виной,
Что такъ онъ блѣденъ былъ порой?
Зачѣмъ же здѣсь такъ долго онъ
Печально бродитъ надъ водами,
И бросая мутными очами
Кверху на синій небосклонъ?
И часто изъ груди его младой
Вздохъ прерывный вылеталъ....
Иль въ устахъ дрожащихъ замиралъ
И терзался тайною тоской?

Но день прекрасный ужь вечерѣлъ....

Въ лѣсу соловей громко пѣлъ.
И на скалу вотъ путникъ сѣлъ
И въ бездну страшную глядѣлъ.
Вдругъ на потухшіе глаза
Набѣжала жемчужная слеза.
Но вотъ онъ голову поднялъ
И тихо про себя шепталъ:
«Да будетъ проклятъ день рожденья,
Въ который родился я на свѣтъ,
И проклято это мгновенье.
Не нуженъ хладный мнѣ привѣтъ:
Тамъ только ложь и обольщенье!
Любовь всѣхъ благъ начало —
Была Марія; мнѣ дана....
Но не моя теперь она.
Мнѣ радость измѣнчиво сіяла....
Ее отвлекъ коварный свѣтъ,
И меня сгубилъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Сердце ихъ — хладный камень,
Залили во мнѣ любви пламень,
И во мнѣ прошедшаго слѣда
Ни разогрѣешь никогда.
И той любви теперь нѣтъ....
Она навсегда ужь отпадетъ!

Теперь я здѣсь! наединѣ
Со мною только однѣ розы.
Я здѣсь умру! — а кто по мнѣ
Прольетъ здѣсь искреннія слезы?
Пистолетъ со мною; ужь онъ готовъ....
Умолкъ.... и надъ прибрежною скалою
Склонился мятежной головою.
Вдругъ слышитъ голосъ въ тѣни дубовъ....
Кто идетъ?. чей это голосъ?
Онъ глядитъ, — и дыбомъ волосъ....
И пистолетъ изъ рукъ упалъ.
Вдругъ нежданный избавитель,
Или какъ тайный губитель
Въ страшный часъ ему предсталъ.
И при лунѣ путника взоръ
Прочелъ судьбы своей укоръ,
Господь, всегдашній стражъ людей
Въ часъ печали и скорбей....
Смутился путникъ спасенный,
И записку у незнакомца взялъ,
Луною блѣдно освѣщенный
Онъ запинаяся читалъ:
«Димитрій! завтра при лунѣ
«Я жду тебя въ своемъ саду;
«Одно осталось средство мнѣ, —

«Въ тебѣ защиту я найду.
«Мнѣ опасность предстоитъ;
«Князь женихъ мой нареченный;
«Онъ полонъ злобы угнѣтенной
«И мнѣ мщеніемъ грозитъ.
«Но Богъ невинныхъ сохранитъ....
«Взойдетъ луна, спѣши скорѣе....
«Я жду тебя! — твоя Марія». —
Прочелъ и молвилъ; — все тотъ же я;
Она любитъ еще меня....
Моя участь снова рѣшена.
На князя скроется вся вина.
Глядитъ, но незнакомца нѣтъ:
Его давно простылъ и слѣдъ.

V.

Уже скрывался прекрасный день;
Волна темнѣла на потокѣ,
И на отуманенномъ востокѣ
Видна была ночная тѣнь.
Уже бѣлѣлъ закатъ румяный,
Дремали холмы и лѣса,
Вздымались синіе туманы,

И тѣнью омрачались небеса.
Надъ уснувшею землей
Восходитъ мѣсяцъ золотой.
Какъ отрадно въ часъ урочный
Свѣтитъ рогъ луны полночной.
Какъ средь полночи глубокой
Съ недостижимыхъ высотъ
Мѣсяцъ ясный одинокій
Блѣдный свѣтъ на землю льетъ.

О мѣсяцъ ясный, сколько ты
Льешь свѣта надъ землею!
Какъ много бываетъ красоты
При свѣтѣ ночной порою!
Твой блескъ всегда меня манитъ!
Когда твой рогъ отрадно свѣтитъ;
Когда луна полночная горитъ,
Въ немъ всякой радость встрѣтитъ.
Гляжу я часто какъ разгоняешь
Ты мрачные туманы,
И на уснувшія поляны
Свѣтъ трепетный бросаешь.
Когда взойдешь на небеса,
Въ волнахъ рѣчныхъ играешь.
Ты свѣтишь дремавшіе лѣса,

И злодѣямъ дорогу освѣщаешь.
Часто освѣщенный тобой
Тропою крадется губитель,
Злодѣйствъ ужасныхъ совершитель.
Ты свидѣтель тревоги босвой, —
Какъ онъ съ саблей отточенной
На беззащитныхъ нападаетъ,
На землю мертвыми низвергаетъ
И несчастныхъ кровью обагренный,
Опять, освѣщенный тобой,
Скрывается въ тѣни густой.
Въ тотъ самый часъ ужасный
Затмился мѣсяцъ ясный,
Чтобы предъ свѣтлою луною
Не лилася кровь рѣкою,
Чтобы средь полночи глубокой
Онъ самъ погибъ злодѣй жестокій.
Но ты съ лучезарными звѣздами
Бесѣдуя льешь свѣтъ надъ нами.
Никого ни съ кѣмъ ни различаешь,
Ровно на всѣхъ на насъ сіяешь.
Ночью злодѣй всегда стремится,
Чтобы свою жертву совершить
И луннаго свѣта не страшится;
Ужь онъ готовъ ее мертвить.

И сегодня быть можетъ вновь
Крадется злодѣй презрѣнный,
Въ рукахъ съ саблей обнаженной —
И чья-нибудь прольется кровь.
Ночь!.... луною изукрашенъ
Лучезарный небосклонъ!
И какъ видъ ночной прекрасенъ,
Какъ меня плѣняетъ онъ!
Какъ блестящая луна
Идетъ въ небо голубое,
Зайдетъ за облако густое
Какъ будто спрячется оно.
Словно вышла — и бросаетъ
Свой рогъ ясный съ высоты,
Всю природу освѣщаетъ
И великолѣпные сады.
Безмолвно, тихо все кругомъ ...
Одна въ глубокомъ размышленьи
Сидѣла Марія подъ окномъ.
Въ душѣ у ней тайное смятенье....
Но пробилъ ужь часъ урочный, —
И вотъ въ садъ она ужь идетъ,
И одна въ тиши полночной
Нетерпѣливо кого-то ждетъ.
И что жь онъ долго такъ нейдетъ?

Ахъ скоро ль, скоро ль! и у ней
Градомъ слезы изъ очей.

Взгляните какъ мила Марія!
Ея краса мнѣ всѣхъ милѣй....
Хотя немножко и грустна,
Еще прелестнѣе тѣмъ она.
Мнѣ взоръ ея всего дороже.
Она тоскуетъ: но такъ что же?
За то любви ужь какъ вѣрна!
Она ждетъ; дохнуть не смѣя
Головку милую склонила.
Блѣдна какъ ранняя лилея.
Тоска, тоска ея томила....
Она вздыхала, и на щекахъ
Рдѣлись дѣвственныя розы,
И на потупленныхъ очахъ
Какъ жемчугъ блестѣли слезы.
Кудрями завитыми въ кольцо
Ночной вѣтерокъ играетъ,
И ея тревожное лицо
Любовью нетерпѣливою пылаетъ,
Волною грудь ее колыхаетъ.
Что же можетъ еще равняться
Съ ея стыдливой красотой?

И я готовъ бы былъ любоваться
Всегда красавицей такой.
Что же можетъ такъ насъ плѣнять
Какъ слезы красоты стыдливой?
Блаженъ кто ихъ можетъ осушать
Любовью вѣрной и счастливой!
Любовь и нетерпѣливая мечта
Образъ милый ей приносятъ.
И тихо невинныя уста
Димитрія имя произносятъ.
Но гдѣ жь Димитрій? гдѣ же онъ?
Что же не ловитъ ея дыханья?
Что жь не слышитъ нѣжный стонъ
И не укротитъ ея страданья?

Марія въ раздумьи ходитъ.
Ее смущаетъ какой-то страхъ....
Но что тамъ крадется въ кустахъ?
Тихій шорохъ къ ней доходитъ....
«Идетъ Димитрій! и къ нему
Она кинулась стрѣлой.
Но передъ ней призракъ роковой!...
Придетъ ли въ голову кому
Кто на встрѣчу къ ней бѣжитъ?
Кинжалъ въ рукахъ его блеститъ....

Марія бѣдная! онъ злодѣй....
И жаждетъ крови твоей....
То былъ предъ нею злобный князь.
Кинжалъ онъ поднялъ роковой....
«Здѣсь разочтуся я съ тобой;
Умри съ коварнымъ не простясь!»
И адски онъ захохоталъ,
Въ грудь ея вонзилъ кинжалъ.
Кровь изъ нея хлынула рѣкой
И заструилась вдоль кинжала.
И дѣва безчувственной, нѣмой
На землю хладная упала.
Что же медлишь ты несчастный?
Ужь не видать тебѣ прекрасной!
Тебя злодѣй опередилъ....
Онъ твою красавицу убилъ....
Спѣши, спѣши на мѣсто казни!
И ему ты отомсти безъ боязни.
Но вотъ Димитрій.... и стрѣлой
На него князь нападаетъ;
Но онъ пистолетъ хватаетъ....
Раздался выстрѣлъ роковой....
Князь на землю мертвый упалъ
Въ рукахъ его блестѣлъ кинжалъ.
Спѣшитъ къ Маріи; но она

Лежитъ недвижна и блѣдна.
«Марія, бѣдная Марія!
Ужели такъ судьба рѣшила,
Чтобъ ты погибла отъ злодѣя,
Чтобъ здѣсь была твоя могила? »
И она какъ будто бы очнулась,
Открыла взоръ и улыбнулась, —
И на него прямо устремила,
Едва внятно говорила:
«Димитрій! близокъ мой конецъ!
Судьба не велѣла намъ вмѣстѣ жить!
Я умираю.... но какъ же быть?
Мнѣ вѣрно такъ судилъ Творецъ!
Димитрій, прости!» — И сила
Ея надеждамъ измѣнила.
Она потупила свой взглядъ;
Ея объемлетъ смертный хладъ.
Она скончалась и онъ упалъ
На землю, и хладными руками
Трупъ холодный обнималъ,
И своими горячими устами
Ея уста онъ согрѣвалъ.
Но все напрасно; уже она
Лежитъ недвижна и хладна!
Димитрій въ горести глубокой

Убитъ потерею жестокой;
Билъ въ грудь себя и терзалъ.
И наконецъ безъ чувствъ упалъ.

VI.

Друзья! Слабѣетъ голосъ мой....
Пора мнѣ кончить свой разсказъ.
Но чтобы не затруднить васъ,
Я снова пишу твердою рукой.
Въ лѣсу, гдѣ они гуляли
Еще давно въ юныхъ лѣтахъ....
Тотъ лѣсъ навѣрно мы узнали,
Гдѣ томилъ невольный страхъ
Младаго путника въ тотъ вечеръ,
Когда онъ Марію встрѣтилъ.
Между муравчатыхъ холмовъ
Тамъ свѣтлый ручеекъ стремится,
Точно зеркало струится
Шумитъ и вьется межъ кустовъ.
А на берегу подъ густой тѣнью
Подъ цвѣтущею сиренью
Часовня новая стоитъ.

Марія бѣдная! — здѣсь она
Въ этой часовнѣ погребена:
Надъ ней чугунный крестъ стоитъ:
Онъ прахъ усопшей сторожитъ.
Но что же въ часовнѣ той?
Друзья мои, сказать вамъ надо.
Предъ ликомъ дѣвы пресвятой
Тамъ всегда теплится лампада,
Но кто лампаду зажигаетъ,
О томъ никто не знаетъ.
Но есть слухъ, что на ту могилу,
Когда потухалъ прекрасный день,
Ходитъ туда младая тѣнь
И тамъ склоняетъ главу унылу,
И долго долго на могилѣ той
Горючи слезы льетъ рѣкой
Лишь стихнетъ свѣжій вѣтерокъ,
Потухнетъ мѣсяцъ молодой,
Засеребритъ румяный востокъ,
И онъ скроется въ тѣни лѣсной,
И часто въ часовню ту ходили
Младыя поселянки въ той странѣ;
Кругомъ часовни той онѣ
Кустовъ цвѣтущихъ насадили.

Однажды утренней зарею,
Въ день Троицы Святой,
Поселяне собрались толпою
И всѣ пошли къ часовнѣ той;
Рвали цвѣты онѣ съ кустовъ
Чтобы наплесть себѣ вѣнковъ.
Взошли въ часовню.... что же тамъ
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой?
Лежалъ мертвый путникъ молодой.
Взоръ стремился къ небесамъ.
Но потухъ свѣтъ въ его очахъ, —
И ужь лампада не пламенѣетъ;
Лишь день заботливый свѣтлѣетъ,
И онъ держалъ въ своихъ рукахъ
Доскапецъ бархатомъ обитый.
Какъ онъ хорошъ! ужь былъ открытый
Въ немъ были камни дорогіе.
И изображенъ портретъ прекрасной
Его подруги вѣрной и несчастной,
И внизу слова «Марія».

Пришелъ священникъ посѣдѣлый;
Онъ давно его любилъ;
Надѣлъ на него саванъ бѣлый,

Панихиду со слезами отслужилъ
И въ той часовнѣ похоронилъ.

VII.

Однажды былъ я въ той странѣ.
У той часовни одинокой,
И отъ крестьянъ случалось мнѣ
Слышать ихъ разсказъ жестокой, —
Что въ полночный часъ видаютъ
Тамъ двѣ тѣни гробовыя.
Саванъ бѣлый ихъ покрываетъ,
И видно лики ихъ младые.
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,
Они на землю упадаютъ,
Моляся слезы проливаютъ
И сядутъ на камнѣ гробовомъ,
На небо взоры устремляютъ;
Глядятъ, глядятъ и слезы льютъ,
Какъ будто словъ лишены.
Но вдругъ встанутъ и пойдутъ
Кѣмъ будто пробуждены,
И тутъ является къ нимъ

Ликъ третій неизвѣстный
Подобенъ ангеламъ святымъ...
Крестъ на груди его чудесный....
Звѣздой заблещутъ ихъ очеса....
И на ликахъ видна радость,
И какъ пріятна ихъ краса!
Лѣтъ юныхъ мила младость!
И вдругъ, что же? страшный видъ:
Откроется могила предъ ними....
Въ той могилѣ гробъ стоитъ,
Убранъ кистями золотыми,
И рядомъ съ нимъ стоитъ другой....
Тотъ гробъ простой дубовый;
На немъ нѣтъ кисти золотой
(Но гробъ еще былъ новый).
И къ той могилѣ они идутъ
Въ слезахъ, другъ другу руку
Они цѣлуются, и даютъ,
Какъ будто на долгую разлуку,
И скрываются въ могилѣ той...
Свѣжій дернъ ихъ покрываетъ.
Пришлецъ небесный исчезаетъ....
И предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой
Лампада снова потухаетъ,
И снова все опять какъ было.

Мѣсяцъ ясный въ волнахъ блещетъ;
Ночной вѣтерокъ дуетъ уныло,
На вѣтвяхъ листъ трепещетъ;
И всѣ крестьяне въ той странѣ
Объ этомъ призракѣ узнали
И часовню одинокую они
Кельей путника наименовали.

Мнѣ представляется очень живо
Сіе неслыханное диво.
Кто объ той часовнѣ одинокой
Хоть не взначай мнѣ намекнетъ,
То тотъ грустью жестокой
Мою память упрекнетъ.

Тому назадъ ужь много дней
Я пировалъ въ кругу друзей.
О той часовнѣ вспомнилъ я,
И тоска напала на меня.
Забывши пиръ, мятежной головой
Между друзей своихъ поникъ;
Изъ глазъ полились слезы рѣкой
И оросили мой печальный ликъ.
Друзья, смѣявшись, мнѣ сказали:

Нашелъ ты время горевать!
О чемъ ты вздумалъ вспоминать?
Не нужно намъ твоей печали.
Теперь мы хочемъ пировать....
Стояли кругъ меня толпою....
Друзья!—я страшенъ имъ казался.
Но, я склонясь тяжелою главой,
Суровъ, недвижимъ оставался.
Взволнованъ грустной думой,
Терзалась страшна грудь
Я былъ межъ ихъ угрюмый ..
Увы я; вспомнилъ свой путь,
Когда съ грустью безнадежной
Я на часовню ту взиралъ,
Во мнѣ томился духъ мятежный;
Но въ душѣ глубоко я скрывалъ.

Иногда проснусь, и во мракѣ ночи
Съ надеждой грустью и тоской
Ищутъ той часовни томныя очи;
Но кругомъ все покрыто мглой.
И я поднявши къ небу руки,
Предъ Богомъ падая въ слезахъ,
Съ молитвой искренней въ устахъ
Ему ввѣряю свои муки.

Но кругомъ ночь... спокойными крылами
Тмитъ безлунный небосклонъ.
Только кое-гдѣ межъ облаками
Блестятъ звѣзды надъ водами
И мирный царствовалъ повсюду сонъ.
Смущенъ тревогою былъ я;
Мечта мечтой во мнѣ смѣнялась;
Душа тоскою волновалась;
Въ груди билось сердце у меня.
И долго одинъ во мракѣ ночи
Не могъ закрыть печальны очи,
И часто, часто я уныло
Несуся туда рѣзвою мечтой.
Младыхъ тѣней призракъ милый
Всегда является предо мной!

VIII.

Теперь я увѣнчалъ вполнѣ
Свои давнишнія желанья,
И восхищенъ тѣмъ, что тебѣ
Я написалъ давно желанное посланье.
Въ сихъ неправильныхъ строкахъ

Я тяжкую жизнь изобразилъ —
Какъ Вольскій въ далекихъ странахъ
Онъ тамъ странствовалъ и любилъ.

Но здѣсь, въ кругу уединенья
И посреди сельской тишины
Отъ меня бѣжали вдохновенья.
И немногія зашли ко мнѣ
Любви поэзіи благодаренья.
И я какъ могъ, такъ описалъ
Въ своихъ ничтожныхъ стихахъ
Отчетъ объ минувшихъ временахъ.
Я не утаилъ все, что зналъ,
И что было въ моихъ мечтахъ.

Вотъ здѣсь всѣ мои пѣснопѣнья,
Что я сберегъ въ памяти моей,
Временъ минувшихъ видѣнья
И моихъ счастливыхъ дней.
Но полнъ томительною думой,
Я бывалъ печальный и угрюмый,
Искалъ напрасно впечатлѣній;
Но ихъ не видалъ; они скрывались.
Лишь тьма печальныхъ вдохновеній
Взамѣнъ всегда ко мнѣ являлись.

И только мои печальные звуки
Летятъ одни они къ тебѣ
И напоминаютъ дни разлуки,
Сильнѣй тревожатъ сердце мнѣ.
Живя въ печальной сей пустынѣ,
Не могу слышать твоихъ рѣчей.
Но твою любовь какъ даръ святыни
Я сберегаю душѣ своей,
И никто любовь сію не пойметъ;
Она со мной вмѣстѣ помретъ.
Но думаю такъ, по крайней мѣрѣ
Я умирать буду въ полной вѣрѣ,
Хотя разъ стишокъ ты мой прочтешь
И быть можетъ обо мнѣ вздохнешь.

1864 года.

ЯПАНЧА.

Кто ѣдетъ дорогой лѣсною
Тихо на борзомъ конѣ?
Рядомъ съ нимъ по сторонѣ
Шла старушка съ дѣвицей младою.
Отважный конь подъ нимъ храпитъ,
Копытомъ землю роетъ,
Вдали чуть слышно что воетъ,—
Витязь пристально глядитъ.
Кругомъ закованъ онъ въ булатъ;
Главу его скрываетъ шлемъ,
Тяжелый какъ млатъ;
Кинжалъ виситъ за кушакомъ;
Въ рукахъ отцовскій мечъ,
Товарищъ его кровавыхъ сѣчъ.

То Япанча былъ знаменитый
Татарскій наѣздникъ лихой,
Вражей кровью облитый,
Онъ оставилъ кровавый бой.

И мать съ Надеждою прелестной,
Которую звалъ своей невѣстой,
Хочетъ отъ гонителей укрыть
И втайнѣ тамъ ее любить.

И вотъ не кончивши свой путь,
Они подъ ивою густой
Отъ жару въ тѣни лѣсной
Остановились отдохнуть.
Скинувъ шлемъ свой Япанча,
Положивъ тяжелый мечъ
Немного облегчивъ свои плеча,
Готовый на траву онъ лечь.
Надежда голову склонила
И Япанчѣ такъ говорила:
Мой милый другъ, теперь я
Чѣмъ благодарить могу тебя?
Ты нашу жизнь спасаешь...
Мы бы безъ тебя давно погибли;
Тебѣ извѣстно и ты знаешь
Какъ злодѣи насъ настигли.
Но ты въ защиту намъ
Всемогущимъ Богомъ данъ.
Вдругъ конскій топотъ раздался...
Япанча всталъ и вдаль глядитъ,

Видитъ — отъ конскихъ копытъ
Ураганъ пыльный поднялся,
И впереди ѣдетъ великанъ,
Разбойнической шайки атаманъ.
Ростъ огромный, страшный видъ
И на немъ лата стальная,
Въ рукахъ дубина пребольшая
И мечъ за поясомъ горитъ.
Га!.. га!.. красавецъ малодушный,
Онъ Япанчѣ насмѣшливо кричитъ,
Не хочешь смерти, — будь послушный!
И онъ дубиной потрясаетъ
И къ Япанчѣ ближе подъѣзжаетъ.
Слушай! я безъ всякихъ затѣй
Хочу владѣть красавицей твоей!
Япанча на чудовище глядитъ;
Кровь и мщенье въ немъ кипитъ.
Молчи!.. молчи!.. уродъ коварный,
Не смѣй ты счастья оскорблять!
И какъ ты смѣлъ это сказать,
Лѣсной чудовище поганый?
Схватилъ онъ мечъ и шлемъ надѣлъ
И на конѣ ужь онъ сидитъ,
На бой кровавый полетѣлъ.
Отважный конь подъ нимъ храпитъ...

Съѣхались... какъ громъ грянулись...
Удары жестокіе раздались;
Противники потомъ облились;
Но Япанча назадъ отпрянулъ.
И вотъ сразились они снова,
Кони копытами землю роютъ,
Отъ ударовъ дубравы стонутъ,
Обоимъ смерть была готова.
Но бой ужасный продолжали,
Мечами воздухъ разсѣкали;
Злодѣй сильнѣе напираетъ
Готовый Япанчу сразить;
Но воинъ отважный не уступаетъ,
Мщенье въ груди его горитъ.
Но вдругъ.. тяжелый мечъ
У Япанчи быстро засверкалъ, —
И злодѣй съ коня упалъ.
Его глава скатилась съ плечъ;
Кровь фонтаномъ заструилась
И подъ нимъ землю обагрила.
Отважно смотритъ; но со всѣхъ сторонъ
Онъ толпою буйныхъ окруженъ...
Злодѣи стремятся на него,
Свои кинжалы обнажаютъ,
Крикомъ природу оглашаютъ.

Готовые мстить за атамана своего.
Но Япанча рукой могучей
Удары жестокіе относитъ,
Повсюду смерть наноситъ.
Отъ него валятся тѣла кучей,
И подъ нимъ конь его ретивый
Храпя размахиваетъ гривой.
Ногами топчетъ, и повсюду
Валитъ груду тѣлъ на груду,
И льется кровь вездѣ рѣкой.
Одинъ изъ шайки удалой
Въ рукахъ держитъ мечъ огромный,
Ростомъ атаману подобный,
Стремится прямо на него.
Ударъ жестокъ... мечъ снова блещетъ,
Отъ удара въ рукѣ рана у него,
А злодѣй у ногъ его трепещетъ;
Своей раны не чувствуя онъ
Себѣ мечомъ дорогу просѣкаетъ.
Лишь только повсюду стонъ
Его ударамъ отвѣчаетъ.
И вотъ одинъ ужь за однимъ
Толпа рѣдѣетъ передъ нимъ.
Но гдѣ же ты, красавица младая.
И мать старушка твоя гдѣ?

За чѣмъ вы, друга покидая,
Въ страшный часъ и скрылися однѣ?
Нѣтъ ихъ... злодѣи похитили,
Пользуясь минутой роковой.
И мчатся съ ними дорогою лѣсной,
И ихъ изъ глазъ они ужь скрылись.
Но Япанча усталый и утомленный
Удары послѣдніе довершаетъ.
Отъ раны злодѣемъ нанесенной
Воитель слабый ослабѣваетъ.
Но ударъ послѣдній довершенъ
И злодѣи, въ крови купаясь,
Пускаютъ слабый стонъ,
Съ здѣшней жизнію разставаясь.
И порою видно межъ кустовъ
Какъ кони скачутъ безъ сѣдоковъ.

Япанча на мѣсто то спѣшитъ,
Гдѣ Надежда съ матерью осталась,
Когда толпа злодѣевъ показалась.
И быстро онъ кругомъ глядитъ —
На мѣстѣ тамъ Надежды нѣтъ,
Ея давно простылъ и слѣдъ.
Мечтаетъ онъ, что отъ враговъ
Они укрылись межъ кустовъ.

Съ коня долой; зоветъ Надежду онъ,
Но никто на зовъ не оказался;
Лишь только слабый стонъ
Едва за кустами раздался,
На то мѣсто онъ спѣшитъ...
И вотъ онъ видитъ: передъ нимъ
Облившись кровью врагъ лежитъ,
Тяжелой мукою томимъ.
Янанча снова мечъ свой обнажаетъ,
Съ угрозой надъ грудью подымаетъ
И говоритъ: отвѣчай, злодѣй,
Если не хочешь покинуть свѣтъ!
Гдѣ похитители Надежды моей?
Дай скорѣе мнѣ отвѣтъ.
Страждущій голову приподнялъ,
Изнемогая отъ раны смертной
Рукой на тропинку указалъ.
«Скачи, скачи дорогой этой,
Стоная, тихо онъ сказалъ.
Пока есть время, поскорѣй!
Своего коня ты не жалѣй.
Еще въ лѣсу ты ихъ настигнешь,
Свою Надежду у нихъ отнимешь.
Ихъ трое скачутъ тамъ съ Надеждой;
Но ты не робокъ, ты могучъ...

Много уложилъ насъ на землѣ этой
Но молю тебя, оставь меня, не мучь;
Дай умереть спокойно мнѣ
Въ давно знакомой сторонѣ »
Мечъ отнялъ, и время не теряя,
Япанча свою рану перевязалъ;
Отъ тяжкой болѣзни изнемогая
На коня сѣлъ, повода взялъ,
И вдоль лѣса конь его помчалъ.
Въ глубоку думу погруженный,
Тоской сердечною томимый,
Япанчу тропинкой уединенной
Быстро мчалъ конь неукротимый.
И онъ отъ горести нѣмѣя...
Какой-то духъ его смущаетъ,
Злобой и мщеньемъ пламенѣя
И въ отчаяніи шепталъ:
«Какъ теперь и безъ меня
Надежда съ матерью плачетъ...»
И онъ ударилъ шпорами коня,
И конь какъ птица скачетъ.
Но вотъ онъ слышитъ — вдалекѣ,
Какъ кони скачутъ налегкѣ.
И чтобъ настигнуть ихъ скорѣй,
Онъ гналъ коня своего быстрѣй.

Видитъ трехъ злодѣевъ, и у нихъ
Надежда съ матерію. Обѣ
Уже полумертвыя... и кипя въ злобѣ
Япанча похитителей настигъ.
«Остановитесь, бѣглецы несчастные!
Кричитъ разбойникамъ безстрашный.
Дайте злодѣи васъ догнать.
Хочу головы съ васъ я снять.»
И они отъ страху обмирая,
Ужь вѣрной смерти ожидая,
Какъ точно зайцы отъ пса
Скрываясь мчатся сквозь лѣса.
Но мечъ окровавленный ужь занесенъ...
Япанча какъ вихрь подлетаетъ...
«Погибните, трусы!» — кричитъ онъ,
И на нихъ съ яростію нападаетъ.
И вотъ мгновеніемъ однимъ
Одинъ валится передъ нимъ.
Мечъ тяжелый снова блещетъ
И другой у ногъ его трепещетъ.
Третій добычу свою оставилъ,
Свернулъ съ дороги и безъ оглядки
Путь въ сторону направилъ.
Лишь только видны однѣ пятки.

Да отъ конскихъ копытъ
Градомъ дернъ кверху летитъ.

Окончивъ битву, къ красавицѣ своей
Какъ къ земнымъ вѣчнымъ благамъ,
Нашедшимъ среди полей,
Онъ стремится скорымъ шагомъ.
Одна въ немъ мысль, одно желанье,
Мечта и дума въ немъ одна;
Но онъ безъ всякаго сознанья...
Въ немъ душа сочувствіемъ полна.
Онъ былъ счастливъ; но счастье,
Счастье лживое какъ сонъ...
Громъ ударилъ, — и ненастье, —
И лишается счастья онъ.
Надежду онъ видитъ; но она,
Какъ майскій день блѣдна,
Лежитъ въ забвеніи нѣмомъ,
Отягощенная крѣпкимъ сномъ,
И рядомъ съ ней мать лежитъ
И сномъ крѣпкимъ тоже спитъ.

Тихо въ природѣ; небо ясно;
Дышетъ нѣгою мать-вина.
Онъ будитъ ихъ; увы! напрасно...

И въ немъ душа тоски полна.
Изъ глазъ невольно льются слезы...
Но вотъ онъ видитъ подъ горой,
Тамъ подъ тѣнію березы,
Бьетъ ключъ холодною водой.
Надежда бѣдная, Надежда!
Надежда, царь души моей...
Зачѣмъ же ты закрыла вѣжды,
Страшася гибели своей?
Зачѣмъ не видишь своего друга.
Какъ онъ хлопочетъ о тебѣ?
За часъ онъ звалъ тебя подруга
И бился на смерть за тебя.
Зачѣмъ его ты не встрѣчаешь
Всегдашней ласкою своей,
Взоромъ пламеннымъ не встрѣчаешь,
Не видитъ онъ твоихъ очей?
Вотъ онъ бѣжитъ на ключъ подгорный,
Шлемомъ зачерпнулъ воды холодной
И водою головы ихъ мочитъ,
Въ своихъ объятіяхъ сжимаетъ.
И жизнь на лицѣ читаетъ,
Привесть ихъ въ чувство хочетъ.
Но Надежда ужь очнулась,
Какъ робкая пташка встрепенулась

И свой блуждающій взглядъ
На Япанчу прямо устремила,
На окровавленный шлемъ и булатъ
И блѣдность друга. Ее удивило...
Но безчувственную мать
Она спѣшитъ скорѣй обнять.
Но вотъ и мать глаза открыла...
И въ ихъ разстроенномъ умѣ
Какъ застигнутыя въ внезапной тьмѣ,
Что было съ ними, они не знаютъ.
Прошедшій сонъ напоминаютъ;
Глядятъ пристальнѣй, и о, диво!
Япанчу, видя передъ собой,
Весь ужасъ представился имъ живо.
Стоитъ онъ съ холодною водой.
Видятъ перевязанную руку,
Кровь запекшуюся кругомъ,
Его одолѣвающую муку
И боль жестокую въ немъ.
Но вотъ онѣ уже встали
И слезы съ радостію смѣшали.
Всѣ трое вмѣстѣ онѣ
Молились о спасеньи Богу.
Прошелъ ихъ ужасъ по немногу;
Конь усталый въ сторонѣ

Свидѣтель радости ихъ былъ,
И онъ копытомъ въ землю билъ.

Я послѣ выдѣлъ всѣхъ троихъ....
Они дорогой уединенной
Пробирались между пустынь лѣсныхъ.
Ипанча битвой утомленный
Ѣхалъ въ думу погруженный;
Надежда и мать рука съ рукой
Шли и что-то говорили межъ собой.
День ужь къ вечеру приближался,
Солнце на западѣ склонялось
И едва на тучкахъ отражалось.
Ихъ путь не далекъ оставался.. .
Туманъ показался средь полей,
Краса дневная удалилась,
Зарей природа озлатилась;
Но они ужь скрылись изъ очей....

Мѣсто, гдѣ кровь текла рѣкой,
Тлѣютъ гдѣ злодѣевъ кости,
Гдѣ былъ тяжкій, жестокій бой

Въ порывѣ сильномъ злости,
Въ лѣсу покрытомъ темной мглой,
Въ странѣ далекой и глухой,
Весна природу оживляетъ,
Но не оживитъ ужъ мертвецовъ.
Ихъ крѣпкій сонъ не нарушаетъ....
Какъ свѣжій ручеекъ подгорный
Бѣжитъ сверкая среди полей,
Такъ этотъ бой неровный
Глубоко запалъ въ памяти моей.

1864 года, іюля 23 дня.

МИНУТЫ ОСОБЫХЪ РАЗМЫШЛЕНІЙ.

Молитва Богу.

Къ тебѣ, о Боже, я взываю!
Ты Утѣшитель всѣхъ сердецъ,
И на Тебя я уповаю.
Ты нашъ Спаситель, нашъ Отецъ!
Молю тебя, о Боже правый,
Не попусти меня къ грѣхамъ,
И защити меня Ты самъ!
Меня смущаетъ духъ лукавый....
Онъ слѣдитъ за мною повсюду:
Всегда ведетъ меня къ бѣдамъ.
Молю, сотвори Ты чудо,
Не давай восторжествовать надо мной врагамъ!

Дай мнѣ, Боже, твердость и силу
Оборониться отъ грѣховъ,

Чтобы не погубить жизнь унылу
И одолѣть своихъ враговъ!
Прожить свой вѣкъ спокойно
Лукавства хитрости не знать
И Твоей волѣ быть покорно,
Пошли сію мнѣ благодать!

Но во грѣхахъ я родился
И во грѣхахъ окончу вѣкъ,
Съ юныхъ лѣтъ вселился
Въ меня тяжкій грѣхъ.
Одинъ Ты, Боже милосердый,
Отъ грѣховъ спасти можешь меня.
Къ Тебѣ Отецъ всещедрый,
Съ молитвою прибѣгаю я!

О Боже, прими мое моленье,
Моленье ничтожнаго раба,
И пошли душѣ успокоенье,
Моему сердцу вразумленье
Передъ тобою моя мольба.
Дай мнѣ твердое терпѣнье
Перенести злобу людей,
Имѣть со злобой примиренье
Попусти душѣ моей!

Молю, о Боже безконечный,
Моей молитвы не отринь....
Ты нашъ Спаситель вѣчный ...
Твое есть царство и аминь!

1863 года 18 августа.

Молитва Богородицѣ.

Къ тебѣ, о Матерь Пресвятая,
Прибѣгаю съ слезами и мольбой,
Въ грѣховной безднѣ утопая,
Молю сжалься надо мной!
Простри въ помощь свои руки
И изринь меня изъ бездны сей!
Не дай погибнуть въ вѣчной мукѣ
Душѣ страдалицѣ моей!
Въ грѣхахъ я тяжкихъ погибаю,
Окруженъ всюду суетой;
Но на тебя, о Матерь, уповаю —
Простри руку спасенія надо мной!

1863 года, сентября 8.

РОКОВАЯ МОГИЛА.

По дорогѣ мчится тройка...,
Ямщикъ на козлахъ молодой,
И колокольчикъ звонко
Гудитъ протяжно подъ дугой.
Паладинъ задумавшись сидитъ
И вдаль туманную глядитъ.
Гони, гони, ямщикъ, скорѣе....
Ахъ! что-то сердце замираетъ;
Кони, мчитеся быстрѣе,
Какой-то злой духъ меня смущаетъ.
Куда онъ ѣдетъ, поспѣшаетъ?
Куда онъ гонитъ торопливо?
Его невѣста ожидаетъ
Такъ давно и нетерпѣливо.
Тройка вихремъ летитъ,
Пыль столбомъ взвивая;
Ямщикъ свиститъ, ямщикъ кричитъ....
Такъ неслася тройка удалая.

Вдали туманомъ застлана
Роща зеленая чуть видна.
Близь рощи ручеекъ бѣжитъ....
Въ немъ лучъ солнечный сверкаетъ.
Часовня на берегу стоитъ,
И лампада чуть свѣтъ пускаетъ.
У часовни враны поднялись станицей.
Тройка рьяная быстрѣй,
Пыль взвивая прямо къ ней,
Понеслася птицей.
Отъ страха паладинъ дрожитъ,
Лицомъ блѣдный и унылый,
И видитъ: памятникъ стоитъ
Тамъ надъ свѣжею могилой,
И слова на камнѣ томъ:

«Здѣсь дѣва тихо опочила;
Ее скрываетъ вѣчный домъ;
Она здѣсь жизнь свою сложила....
Во цвѣтѣ лѣтъ погребена,
Жениха къ себѣ она ждала,
Но недождавшись съ тоски умерла
И теперь здѣсь лежитъ одна.»

Но лишь только прочиталъ
Сію надпись паладинъ печальный

И на могилѣ роковой упалъ
Недвижимый и бездыханный.
И вотъ въ обратный путь несется
Тройка дорогой столбовой,
Лишь только иногда порой
Вдали чуть слышно раздается
Звонъ колокольчика подъ дугой.

1863 года.

НОЧНОЙ ПУТЬ.

Баллада.

Кто ѣдетъ безстрашный
Дорогой лѣсной и глухой?
Ихъ путь здѣсь опасный
При свѣтѣ луны ночною порой.
То воинъ отважный и удалой
Пустился въ опасный путь
Съ своей невѣстой молодой;
Онъ не хотѣлъ въ селеньи отдохнуть,
На немъ лата стальная,
Въ рукахъ отцовскій мечъ
Товарищъ его кровавыхъ сѣчъ,
И горитъ броня золотая,
И пистолетъ чеканный роковой,
Онъ съ нимъ всегда готовый въ бой.

Но лѣсъ огромный и густой,
И боръ кругомъ шумитъ....

Ѣдетъ нашъ воинъ молодой,
Лишь конь подъ нимъ храпитъ.
И вотъ, прорѣзавъ облака,
Вышелъ мѣсяцъ на просторъ,
И сквозь лѣсную тѣнь слегка
Онъ бросаетъ свѣтлый взоръ.

Но его невѣста молодая
По сторонамъ робко глядитъ,
Къ воину приникла и дрожитъ.
Кругомъ повсюду тѣнь лѣсная...
Но кто? вдругъ кто-то громко засвисталъ,
И конь ихъ борзый испугался,
Быстро въ лѣсъ помчался,
А голосъ вслѣдъ тихо хохоталъ.

Поутру между крутыми берегами
Два мертвыхъ трупа плыли;
Ихъ несло бурными волнами.
То воинъ съ невѣстой были.
Но что случилось и какъ попали
Въ бездну воинъ съ невѣстой молодой?
Отъ насъ скрылъ мракъ ночной,
И мы ничего ужь не видали.

1863 года.

ПИСЬМО.

Другъ милый мой
Тебѣ писать я начинаю
Своей дрожащею рукой,
И отъ тебя отвѣта ожидаю,
Въ мои дни юности строптивой
Спѣшу невѣрною стопой,
Своей мечтою торопливой
Дѣлить тоску и грусть съ тобой.

Я не могла тебѣ сказать.
Мнѣ не важное оно....
Но вѣрно такъ ужь суждено.
И я рѣшилась написать.
Коварство, хитрость и лесть
Мнѣ природой не дано;
Но что на сердцѣ есть
Доказать словами мудрено.

Душа трепетная моя
Въ тебѣ требуетъ участья,
И въ семъ мірѣ бытія
Съ тобой ищу земнаго счастья.
Но въ душѣ твоей много скорбей
И много въ ней страданья,
И твои горестныя содроганья
Мрачатъ мой вѣкъ юныхъ дней.
Гдѣ же любовь твоя мятежная?
Гдѣ поцѣлуй горячій твой?
Гдѣ улыбка твоя нѣжная,
Когда восхищалась я тобой?
Теперь невѣдомый страхъ
На блѣдномъ твоемъ челѣ,
Грусть, уныніе въ очахъ
И неизвѣстныя мнѣ....
Ты грустенъ, мой другъ суровый,
Ты сталъ чуждаться любви моей;
Среди печалей и скорбей
Ты хочешь разцвѣтать для жизни новой.
Я помню, когда мы были неразлучны....
Но теперь ты отъ всѣхъ бѣжишь;
Теперь всѣ тебѣ докучны
И не на что ты не глядишь.
Помнишь ли въ лѣсу, наединѣ

Я не забыла клятву твою.
Ты говорилъ и клялся мнѣ
Что отъ тебя ничего не утаю.
Зачѣмъ ты клятвѣ измѣнилъ?
Зачѣмъ терзаешь мою грудь?
Но если ты ее забылъ,
То сей и упрекъ мой забудь....
Только безъ отговорокъ мнѣ открой.
Какая тайна между нами.
Не мучься горестными мечтами;
Меня на часъ хоть успокой....
Ты давно меня тревожишь;
Твоей тоски страшуся я;
Ты разрываешь прелесть бытія
Или жизнь младую уничтожишь.
Во мнѣ съ ужасною тоскою
Сильнѣй, сильнѣй тѣснится духъ;
Но ты не придешь дѣлить со мною
Сей тоски, мой печальный другъ.

Строками этими быть можетъ
Взволную душу я твою,
То пусть рука твоя уничтожитъ
Любви страницу бѣдную мою.
Или остановись на половинѣ

И къ себѣ друзей ты позови,
И мой листокъ по серединѣ
При всѣхъ съ насмѣшкой разорви
Пусть останутся мнѣ горести мои;
Я буду, какъ и ты, суровой;
Но не забуду любовь и клятвы твои
И не проснусь для жизни новой.

1864 года, февраля 23 дня.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО.

Знать давно желаешь ты,
О чёмъ порою я скучаю,
Желаешь знать мои мечты
О чемъ я часто такъ вздыхаю.
Ты говоришь «безъ отговорокъ»,
И просто прямо отвѣчай;
Твой покой для меня дорогъ,
Мой ангелъ; такъ и быть, узнай!

Порой два сна меня крушатъ:
Они мой духъ смущаютъ,
Они мнѣ тайну говорятъ,
Какой-то ужасъ предвѣщаютъ.

Мой первый сонъ,
Порой меня смущаетъ онъ.
Помню.... только я очи смежилъ
И крѣпкимъ сномъ опочилъ....
И снилось мнѣ: передо мной

Явилась ты, моя погруга,
Моихъ часовъ, моего досуга,
Собой прекрасной молодой
Ты тихо, тихо шла ко мнѣ
Ногами не касаясь до земли;
Въ молчаньи руку мнѣ дала;
Сказать ничего ты не могла.
Но я стоялъ, и я глядѣлъ....
То дрожалъ, то пламенѣлъ....
Не знаю я, но какой-то силой
Къ землѣ прикованъ былъ,
Когда сей призракъ милый
Въ меня свой взоръ вперилъ.
Но только коснулась рука твоя,
Вдругъ встрепенулся я, —
И руку я съ восторгомъ взялъ
И съ жадностью къ устамъ прижалъ.
Но ты вздрогнула и тихо захохотала,
И не простившись со мной,
Легче лани молодой,
Назадъ обратно побѣжала.
Я вслѣдъ кричалъ, я умолялъ;
Но увы! его я больше не видалъ:
Призракъ изъ глазъ моихъ исчезъ....
И въ изнеможеньи на землю я упалъ,

И тутъ же простился, сталъ креститься,
Не могши мыслей собрать....
Но въ окна стало солнце свои лучи бросать,
А я еще мечтой за призракомъ возился.

Второй мой сонъ: ночной порой
Тебя я видѣлъ опять, другъ мой.
Ты помнишь ли весной,
Въ лѣсу гдѣ мы гуляли, *)
Гдѣ, ангелъ мой, съ тобой
Первую радость узнавали?
Ты помнишь ли — въ тѣни густой,
Гдѣ всегда я любовался,
Прекрасный другъ, тобой.
Тотъ лѣсъ раемъ мнѣ казался.
Снилось — тѣмъ лѣсомъ шли вмѣстѣ съ тобой;
Надъ нами томно сіяла луна,
Но ужасъ носился надо мной
И сердце страстныхъ думъ полна....
Вдругъ загорѣлись небеса,
Земля тряслася подъ луной,
Затрепетали всѣ лѣса,
Столбы явились надо мной....

*) Сушино.

Хлынулъ дождь, ударилъ громъ,
Образовался адъ со всѣхъ сторонъ.
Но ты стояла предо мной
Прекрасна, пасмурна, блѣдна,
Какой-то думѣ предана.
Точно призракъ гробовой.
По мраморнымъ плечамъ бѣжали
Струи разметанныхъ кудрей
И смуглый блескъ твоихъ очей
Взору дикость придавали.
И грудь вздымаясь трепетала,
Во взорѣ виденъ тайный страхъ;
Рукой мнѣ на небо указала,
А слова замерли въ устахъ.
Пожаръ утихъ на небесахъ....
Все стало такъ, какъ было прежде;
Я измѣнилъ своей Надеждѣ ...
Во мнѣ прошелъ мятежный страхъ.
Къ груди своей тебя прижалъ,
Тобою жилъ, тобой дышалъ....
Не знаю самъ, но къ тебѣ одной
Стремился сердцемъ и душой.
Пошли мы дальше: передъ нами
Рѣка съ крутыми берегами.
Мы подошли; глядимъ туда....

Тамъ во мракѣ шумѣла вода.
Туда толкнула ты меня,
И тутъ со страху проснулся я.
Не помня гдѣ я и что со мной,
На землѣ иль подъ землей,
Кругомъ глазами я водилъ,
По членамъ хладъ стремился;
Мой взоръ тебя не находилъ....
Опомнясь я перекрестился.

Что значатъ мнѣ эти сны
И какую участь предвѣщаютъ?
Какъ тайно они изъяснены....
А будущее знать — сіи дары намъ не даны.
Судьба все отъ насъ скрываетъ....
Кто знаетъ силу тайныхъ сновъ
И какая меня участь ожидаетъ?
Но нѣтъ никто не знаетъ
И сказать не можетъ этихъ словъ.

Когда же вспомню я тѣ ночи —
Въ глазахъ является рой тѣней....
Неподвижно испуганныя очи
Ищутъ тайныхъ гостей.

Еще скажу тебѣ, другъ прекрасный:
Разъ на диванѣ я лежалъ;
Меня тревожили тѣ сны ужасны....
Я много кой о чемъ мечталъ
И вспомнилъ горькія потери,
Когда любовался я тобой,
Когда въ растворенныя двери
Ходила ко мнѣ ты, ангелъ мой,
И на диванъ ты мой садишься,
Обоймешь нѣжною рукой;
Какъ бывало ты таишься
Неизъяснимою тоской.
И отъ радости дрожу я
Въ эти милые часы,
Восхищаясь и цѣлуя
Твои райскія красы.
Какъ бывало съ лаской нѣжной
Очи милыя глядятъ;
Какъ прекрасенъ неизбѣжный
Проницательный твой взглядъ.
Какъ дохнешь ты, другъ мой милый,
Какъ взволнуешь мою кровь
И какой-то тайной силой
Пламенишь мою любовь.
Твои прелести вдыхаю,

Глядя на небесныя красы,
И рукой перебираю
Какъ смоль темные власы.
Какъ бывало ты отвѣчаешь
Любви пламенной моей,
И любовь ты мою знаешь,
И ты вѣрила ей.
И тогда, что жь думалъ я,
Когда ласкала ты меня?
Что мнѣ зависть, что молва,
Что для меня людскія тѣни,
Когда склоняется на колѣни
Ко мнѣ прелестная глава?
И что жь ненависть мнѣ ихъ,
Когда обворожительныя слова
Текутъ изъ алыхъ устъ твоихъ?
Ничто не значитъ мнѣ молва...
Тутъ я забываю все на свѣтѣ,
Но тебя не могу, не могу забыть!
Одно имѣю я въ предметѣ,
Чтобы во вѣкъ тебя любить.
О часъ! ты когда проходишь...
И не слышно пріятныхъ рѣчей,
И какъ призракъ ты уходишь.
Изъ растворенныхъ дверей.

Я засну; но передо мною
Ты, милой другъ души моей,
Манишь бѣлою рукою
Изъ растворенныхъ дверей.
И по другу дорогую
Ищетъ робкая мечта,
И съ восторгомъ я цѣлую
Эти алыя уста.

Скоро ль увижу тебя, другъ милый,
Другъ пріятныхъ дней?
Неужéли врагъ постылый
Будетъ владѣть рукой твоей?
А! прелесть моя,
Товарищъ, другъ души моей!
Ужели ты какого злодѣя
Обнимешь ласково рукой своей?
Ужель отвергнешь ты меня
И смѣяться будешь надо мною?
Ужель изсохнуть долженъ я
И умереть не простившись съ тобой?

Вотъ тайна, что меня смущаетъ,
Отъ чего задумываюсь я;
При мысли меня это пугаетъ...

Къ чему толкнула ты меня?
Ужели ты меня пугаешь?
О нѣтъ! не вѣрю лживымъ снамъ...
Я знаю, пламенно ты меня любишь,
И что жь препятствовать будетъ намъ?
Не вѣрю лживымъ сновидѣньямъ;
Не буду вѣрить ничему...
Ни снамъ, ни твердымъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу своему.
Итакъ, оставивъ всѣ сомнѣнья,
Другъ друга будемъ мы любить,
Мечты и сны сочтемъ за воображенье...
Я постараюсь ихъ забыть.

Чѣмъ кончу искренность свою,
Ты догадаешься, другъ мой:
Тебѣ я сердце отдаю
Лишь быть любимому тобой.
Позволь принять мнѣ имя друга,
Которое ты мнѣ сама дала,
Въ пріятные часы досуга
Имъ меня ты назвала.
Не увѣряй меня, тебѣ я вѣрю,
Что любви своей не измѣнишь,
И что друга своего потерю

Навѣрно другимъ не замѣнишь.
Пусть судитъ меня бездушный свѣтъ,
Только люби меня, какъ я тебя люблю,
И съ покорностью я встрѣчу твой привѣтъ
И любовью тебя благословлю.

Моя мысль къ концу ближе;
Мы управляемы судьбой...
За тѣмъ, мой другъ, прости же,
Я отправлюсь на спокой.

1864 года марта 12-го.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ. *

Друзья мои! пропала сила..
Отъ боли тѣло износилось,
И страшно мрачная могила
Предо мной безвременно открылась.

Друзья, прощайте, умираю...
Не долго мнѣ на свѣтѣ жить!
Какъ дымъ въ облакахъ я исчезаю...
Ужели такъ должно и быть?
Я еще не успѣлъ насладиться,
О прекрасный міръ, тобой!
И теперь долженъ я рѣшиться
Здѣшней радости земной.

(*) Эти стихи были написаны во время тяжкой болѣзни автора; когда даже доктора отказались отъ него, но его вылѣчилъ самъ Богъ Онъ даже самъ не имѣлъ надежды къ жизни.

О, не повѣрите, такъ ужасно
Ноетъ больная грудь моя!
Теперь увѣренъ, что напрасно
Себѣ облегченья ожидалъ я.

Друзья, прощайте, нѣтъ спасенья,
Разстаться съ вами долженъ я...
И мнѣ готово новоселье,
Стремится вонъ душа моя.

Моя грудь полная боли...
И въ глазахъ тьмится Божій свѣтъ ..
И въ сей земной юдоли
Мнѣ блаженство больше нѣтъ.

Мое блаженство здѣсь — могила.
Могила — здѣшній мой удѣлъ...
Гдѣ тьма людей опочила,
И мнѣ уснуть въ ней Богъ велѣлъ.

Какъ грустно будетъ мнѣ разстаться
Съ своей родимою семьей,
И въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ убраться
Въ сырую землю на покой.

Прости, семья родная!
Грустно будетъ сказать
И безъ слезъ едва рыдая
Послѣдній вздохъ изъ груди испускать.

Проститься съ милымъ предметомъ,
Который я пламенно любилъ...
Моей душѣ она была привѣтомъ,
И эту любовь я въ душѣ схоронилъ.

Она душѣ была отрадой
Въ сей юной жизни моей,
Ея любовь была наградой,
Но смерть разлучитъ меня и съ ней.

А я въ жизни былъ порукой ей;
И въ сей радости земной
Она всегда забавою моей.
Теперь всему конецъ... могила предо мной...

Во мнѣ чахотка поселилась.
Боль опасная и роковая,
Какъ змѣя въ грудь она впилась,
Меня въ могилу провожая.

Пробьетъ для меня ужасный часъ,
Часъ съ тѣломъ души разставанья,
И я сомкну на вѣки глазъ...
Нельзя вспомнить безъ содроганья.

Какъ смерть предстанетъ предо мной.
Подкоситъ члены всѣ мои,
И зарыдаютъ надо мной
Родной печальный кругъ семьи.

Вѣщій колоколъ загудитъ,
И я окончу жизнь унылу..
Мнѣ гробъ готовятъ и саванъ сшитъ
И роютъ ужь могилу...
Положатъ трупъ мой на столѣ
Недвижимый и безъ дыханья,
И тѣло хладное мое
Рѣшится здѣшняго страданья.
И въ вѣчный гробъ положатъ
Мои хладный, недвижимый трупъ,
И слеза прощальная не потревожитъ
Моего сна вѣчнаго, и тутъ —
И гвоздь протяжно зазвучитъ
Отъ млата надъ кровлей гробовой;
Духовный пастырь провозгласитъ:
Усопшій миръ съ тобою.
Опустятъ въ могилу, и гробъ мой
Землей тяжелою придавится;
И возвратятся всѣ домой,
Только однимъ изъ нихъ убавится.

Поставятъ камень надо мной
И изукрасятъ его стихами, (*)
И придетъ жена или спутникъ мой
И будутъ мочить его слезами.

(*) Надгробная надпись.

И напишутъ: покинувъ свѣтъ,
Здѣсь погребенъ во цвѣтѣ лѣтъ
Спутникъ жалкій и младой.
Онъ кончилъ жизнь; его ужъ нѣтъ
Подъ нашей свѣтлою луной.
Добро дѣлавши народу,
Онъ не считалъ трудомъ...
Могилу мрачную и свободу...
А тѣсный гробъ, вѣчный домъ,
Отъ Бога награду получилъ.
И здѣсь сномъ вѣчнымъ окончилъ.
Прохожій, сжалься надъ погибшимъ!
Главой на камень сей склонись,
И въ сей могилѣ надъ почившимъ
Пролей слезу... и перекрестись.
Съ смиреннымъ сердцемъ удались;
Но не убѣгай отъ могилы сей,
А избѣгай тѣлесной тревоги
И не тревожь опочившихъ костей, —
Ты самъ не избѣжишь этой дороги.

И гробожитель, червь земной,
Въ мой мрачный гробъ вселится,
Будетъ точить трупъ мой
И въ головѣ моей гнѣздиться.

Годы за годами пройдутъ;
Со временемъ исчезнетъ слава,
И на могилу родные больше не придутъ, —
Имъ вмѣнится новая забава.

Надгробная надпись сотрется;
Травой могила зарастетъ;
Быть можетъ и пташечка проснется
И надъ могилой свою пѣсню пропоетъ.

Иль филинъ прокричитъ
Ночью надъ могилою моей (*)...

(*) Пѣсня филина надъ могилами.

Спи спокойно, мирный гость,
Хотя трупъ твой черви гложатъ,
Съ твоей костью рядомъ кость
Чью нибудь еще положатъ.
Здѣсь вѣдь всякаго дорога —
Никакъ мимо не пройдутъ.
Бѣдныхъ и богатыхъ, у этого порога
Костей много накладутъ.

Путникъ отъ сего мѣста убѣжитъ,
И тутъ будетъ сходбище звѣрей,
Или стая вороновъ соберется
Надъ грудой тлѣющихъ костей
И съ дикимъ крикомъ понесется
Для добычи... къ родинѣ моей.
Ослабъ! нѣтъ силъ!... и изнемогаю...
Младая жизнь моя кончается,
И въ здѣшнемъ мірѣ отцвѣтаю.
Нужно во грѣхахъ раскаяться...
Итакъ, друзья мои, готовлюсь
Я въ жизнь вѣчную отойтить;
Но въ васъ увѣренъ и не безпокоюсь.
Мнѣ долгъ послѣдній заплатить,
Мой трупъ слезою омочить,
Небеснаго царства пожелать
И гробъ до могилы проводить,
Хотя горсть земли положить
И память вѣчную сказать.

1863 г. мая 9 дня.

УМИРАЮЩАЯ ДѢВИЦА.

Я видѣлъ лютой смерти торжество.
Какъ грустно, страшно и уныло
Прекрасное земное божество
Изъ міра сего въ міръ вѣчный отходитъ...
Какъ точно ангелъ непорочный
На одрѣ дѣва юная лежала,
Пробилъ ея часъ урочный...
Едва она взоры устремляла.
И этотъ ангелъ ненаглядный,
Прелестна дѣва, съ юныхъ лѣтъ
Она цвѣла какъ алый цвѣтъ
Въ сей жизни безотрадной.
Теперь, покидая здѣшній свѣтъ,
Какъ агнецъ непорочный она
Смерти на жертву отдана.
Читатель! будь на моемъ мѣстѣ,
Гдѣ самовидцемъ я былъ,

Когда прелестнѣйшей невѣстѣ
Послѣдній смертный часъ пробилъ.
Увидѣть плачъ семьи родной,
Безнадежныхъ жалкія рыданья
Нельзя смотрѣть безъ содроганья;
И какъ стѣснился духъ мой
При видѣ смертнаго страданья...
Я думалъ, Боже мой, ужель она
Для такого счастья рождена?
Ужели съ этихъ юныхъ лѣтъ
Ей суждено покинуть свѣтъ?
О еслибъ тутъ кто могъ
Жизнь вдохнуть въ ея страданья,
Удержать ея послѣдній вздохъ
И влить свободное дыханье,
Спасти ее отъ скорой смерти!
О еслибы это могъ видѣть я,
Кто бы сдѣлалъ это благодѣянье
Отъ смерти спасъ прелестное созданье
И оставилъ въ семъ мірѣ бытія!
Я отдалъ бы все состоянье свое...
Я бы готовъ жертвовать головой
И я готовъ бы испустить духъ свой
И умеръ бы съ охотой за нее...
Но сдѣлать сего никто не могъ,

Чтобы удержать ея послѣдній вздохъ.
И какъ усердно тогда я молился
На закатѣ ея послѣднихъ дней,
И въ часъ сей печали и скорбей,
Въ ту минуту когда духъ ея томился.

Часъ смертный видѣть ужасно,
Но еще ужаснѣй умирать...
Я также плакалъ, но напрасно:
Откуда помощи было ждать?
Но смерть ужасная довершала
Безжалостный и лютый пиръ, —
И дѣва прелестная вступала
Въ тотъ вѣчный и прекрасный міръ.
Предъ ней съ горячею мольбой
Стояли мать съ отцемъ родные.
На груди ея сіялъ крестъ золотой
И надъ головой образа святые.
И послѣдній разъ взглянула
Она на родителей своихъ,
Ея сердцу милыхъ дорогихъ.
Тяжело потомъ она вздохнула
И сномъ вѣчнымъ уснула...
Она скончалась... всему конецъ.
Отходную прочелъ духовный врачъ —

И поднялся сильнѣе вопль и плачъ.
Но ее ужь нѣтъ! надъ нею ангельскій вѣнецъ...
И пришли ея подруги со цвѣтами,
Поклонъ усопшей положили,
Печально, грустно со слезами
Кругомъ цвѣтами обложили.
И пришелъ приходскій попъ;
При унывномъ, тихомъ пѣньи
Ее положили въ тѣсный гробъ
На вѣки въ мрачное заточенье.
И Боже мой! какъ я обомлѣлъ,
Когда закрыли трупъ кровлей гробовой,
И церковный клиръ пропѣлъ:
Дѣва усопшая — да будетъ миръ съ тобою!
Но среди подругъ молодыхъ
Точно мертвый, недвижимый
Сталъ ея младой женихъ;
Печальный, блѣдный и унылый,
Онъ быстро на усопшую глядѣлъ.
То весь дрожалъ, то блѣднѣлъ.
И мнится, готовъ былъ онъ,
Жизнь кончить вмѣстѣ съ ней
И лечь въ тотъ же тѣсный домъ
И тамъ быть спутникомъ ей.
Но нѣтъ! она на вѣки разлучилась,

Мой печальный другъ, съ тобой!
Она подъ кровлей гробовой
Съ женихомъ небеснымъ обручилась.
Отпѣвши, на погостъ ее снесли
И головы печально всѣ склонили,
И въ нѣдрахъ хладныя земли.

Дѣву бездыханную зарыли.
Съ тоской, печалью разошлися
Подруги чужія и родныя,
Только усопшая заперлася
Въ душномъ гробѣ, не видя скучнаго дня.

А я съ взволнованной душой
Съ тоски не помня и не зная,
Съ сердечной горестью нѣмой
Упалъ безъ слезъ, на могилѣ обмирая.

Когда я очнулся, гляжу... Боже мой!
По всему тѣлу хладъ стремился...
Все та жь могила предо мной.
Я поднялъ взоръ, перекрестился
И пошелъ разсѣянно домой.
И вспомнилъ — недавно она гуляла
И съ цвѣтовъ вѣночекъ мнѣ сплела,
И сама, какъ вѣночикъ тотъ, завяла,

И въ міръ блаженный перешла.
Черезъ сорокъ дней пришли
На погостъ мать и отецъ родные
И ея подруги молодыя;
Цвѣтовъ свѣжихъ принесли,
На могилѣ камень постановили
И часто слезы надъ нимъ льютъ.
Цвѣтовъ кругомъ могилы насадили,
И пташки пѣсни тамъ поютъ.

Теперь часто раннею порой
На могилѣ той витаютъ
Двѣ тѣни; онѣ между собой
Ласкаясь другъ друга обнимаютъ.
Говорятъ, женихъ ея младой
Въ глухую полночь къ ней приходитъ
И до зари на могилѣ той
Время съ усопшею проводитъ.
Но лишь срочный часъ пробьетъ,
На блѣдныхъ ея щекахъ зардѣются розы,
Она на прощанье ему руку даетъ;
Изъ томныхъ очей льются горячія слезы
И разступается предъ ней подземная обитель.
Блѣдный, таинственный жилецъ,
Могилы хладной тихой житель,

На срокъ отпущенный мертвецъ
Въ свою мрачную сѣнь
Уходитъ младая тѣнь.
Но лишь солнышко взойдетъ
Съ своими ясными лучами,
Толпа дѣвицъ къ ней идетъ
На могилу съ свѣжими цвѣтами;
И кругомъ могилы той
Онѣ всѣ весело играютъ
И цвѣты свѣжіе сажаютъ.
Не найдя подруги молодой,
Онѣ опять идутъ домой.

1863 года.

КЪ НЕЙ.

Какъ низкій рабъ предъ тобой
Съ благоговѣніемъ я стоялъ;
Съ какой сердечною мольбой
Твоей любви я ожидалъ!
Въ душѣ съ глубокою тоской
Точно ждалъ я подаянья,
Грустный, блѣдный и худой
Отъ душевнаго страданья.
Твоего отвѣта я просилъ,
И взоръ являлъ живую муку,
И какъ пораженъ я былъ,
Когда ты отвергла мою руку!
Какъ легкомысленное дитя,
Хладнокровно и безпечно,
Мое чувство сердечно
Ты приняла шутя.
Прости же! Богъ съ тобою...

Мнѣ не видать больше тебя!
Ты обожателей толпою
Заграждаешься отъ меня.
Ты чувство промѣняла
На мишурный блескъ пустой;
Тебѣ любви моей мало...
Моихъ мученій ты желала —
Наслаждайся ими, Богъ съ тобой!

1864 года іюля 20.

МОИ МЕЧТЫ.

Однажды въ часъ урочный,
Съ своей поникшею главой
Склоняся въ тишинѣ полночной,
Мечтами бесѣдовалъ съ тобой.
Въ сію минуту вдохновенья,
Не зная горя и страстей,
Явились страшныя видѣнья
Въ груди растерзанной моей.
Съ тоской, слезами и мольбой,
Какъ безумный метался я;
Но тамъ склонясь передъ тобой
Терзала мысль одна меня.
Зачѣмъ въ неволѣ вырастая,
Въ трудахъ, заботѣ безотвѣтной
Моя подруга дорогая
Ты терпишь и нужду, и труды?
Мила ты, прелесть дорогая;
Цвѣтущей розѣ подобна ты,

Прекраснѣй утренней звѣзды.
О какъ мила, какъ прекрасна
Во всей красѣ и величіи своемъ,
И увѣренъ въ томъ, что не напрасно
Тебя равняю съ божествомъ!
Но среди мечты и упованья,
Предъ милымъ образомъ твоимъ,
Въ минуты моего страданья,
Ты всегда хранителемъ моимъ.
Въ минуты мрачныя думъ моихъ,
Среди тревоги волненья и страстей,
Я у прелестныхъ ногъ твоихъ
Повинуюсь младой красавицѣ моей.

Такъ носилась въ головѣ моей дума роковая,
И то же мнѣ вторили мои уста,
И будто стройной злобою питая
Меня преслѣдуетъ сія мечта.
Я предаюсь невѣдомой боязни;
Какой-то злой духъ меня томитъ,
И я съ трепетомъ ожидаю душевной казни.
Но чѣмъ больше я гляжу
На твои кудри золотыя,
На твои лѣта молодыя,
Тѣмъ больше любви я нахожу.

Въ тебѣ люблю я быстрыя стремленья
И ласку открытую для всѣхъ,
И милый, беззаботный смѣхъ,
И красоту твою, и скорыя движенья,
И я готовъ открыть объятья,
Къ груди растерзанной прижать,
Въ трудахъ, заботѣ я участья
Готовъ всегда съ тобой принять.
И ты повѣришь какъ сердцу больно,
Когда изъ груди вылетаетъ вздохъ невольно...
Я съ тоскою и съ слезами на глазахъ
Взываю ко Всевышнему на небесахъ,
Чтобы не измѣниться любви нашей,
Которая такъ радуетъ меня.
Еще болѣе молюся за тебя,
Чтобъ пить любовь намъ общей чашей,
Хотя увѣренъ въ томъ и знаю,
Что пламенно ты любишь меня,
И въ томъ болѣе не сомнѣваюсь я
И съ послѣдней мечтою засыпаю.

1863 года ноября 26.

ПРОЩАНІЕ.

Давно ты хочешь разорвать
Всегдашній союзъ нашихъ сердецъ.
Я не препятствую: судья тебѣ — Творецъ!:
Но ты не можешь сего сказать...
Желаешь холодностью доказать
Твою измѣну; недавно я узналъ,
Когда въ послѣдній разъ видѣлъ тебя,
Я съ восторгомъ видѣть желалъ,
А ты такъ холодно взглянула на меня.
Хотя я и жалѣю; но Богъ съ тобой!
Тебя разрѣшаю отъ добровольныхъ узъ,
И я нарушаю нашъ общій союзъ.
Хотя и льститъ тебя блескъ пустой...
Прости! разстанемся. Тебѣ желаю не знать печали;
Желаю, чтобы ты жила не въ горѣ и не въ бѣдахъ,
Чтобъ чувства новыя тебя сильнѣе занимали,
Чтобы радость была и въ жизни твоей и въ очахъ.

Благодарю тебя за ласку нѣжную твою.
Ее забыть не могу я никогда,
Которой ты восхищала душу мою.
Я буду помнить, какъ тогда

На тебя глядя я любовался
Твоей дѣвичьей красотой,
И какъ тогда я восхищался
Твоею лаской и тобой.

Благодарю тебя за имя милый,
Которое ты мнѣ сама дала,
Въ тотъ день для меня унылый,
И въ тотъ день имъ меня ты назвала.
Благодарю тебя за тѣ минуты,
Которыя для меня ты удѣляла.
Быть можетъ шутя любила ты,
Быть можетъ ты ихъ послѣ проклинала.
Теперь проснулась ты съ душой унылой,
И мое сердце хотѣла обмануть;
Но прошу тебя, не безпокойся, другъ милый:
Въ мою душу и такъ страшно заглянуть.
Я не виню тебя, легкомысленное дитя,
Что рѣшилась наша дружба и любовь,
И что не можешь любить меня ты вновь.

Ты думала, что всѣ любятъ шутя...
Или ты думала: однажды сердцу нужно полюбить...
И безвинно любя ты вся мнѣ предавалась;
А теперь ты могла все это забыть,
И безвинная любовь наша миновалась.
Но будь счастлива съ избраннымъ тобой,
Который такъ тебя прельщаетъ!
Живи и наслаждайся сей радостью земной...
Только хочу тебя я упредить,
Не врагъ ли онъ какой людей?
Быть можетъ онъ какой злодѣй...
Тебя онъ только хочетъ обольстить.
Ты сей надеждой не ласкайся.
Тебя быть можетъ гибель ждетъ.
Хотя безъ пользы мой совѣтъ,
Но злыхъ людей какъ пламя опасайся.
Одна ошибка, одно мгновенье —
И нѣтъ для тебя спасенья:
Не будетъ ни гдѣ тебѣ покоя,
Не будетъ радости былой,
Какъ цвѣтъ засохнешь въ тоскѣ злой,
И тогда что будетъ съ тобой?
Тебя спасти мнѣ будетъ не въ силу;
Ты о прошедшемъ будешь плакать и жалѣть,
И какъ грустно будетъ умереть,

Во цвѣтѣ лѣтъ сойдти въ могилу!
Несчастья, горести тебѣ я не желаю.
Пусть любятъ такъ, какъ я тебя люблю,
И на любовь сію съ охотою тебя я благословляю,
А за прошедшую любовь тебя благодарю.
Но я не забуду, когда являлись мнѣ твои тѣни
И какъ я съ горячею мольбой
Дрожа весь падалъ ницъ передъ тобой,
И съ жадностью обнималъ твои колѣна,
А потомъ отъ радости я просыпался
И долго, долго я недвижимъ оставался,
И какъ безумный потомъ метался.
Теперь пойду назадъ дорогою избитой,
Потерявъ любви прежній слѣдъ,
Быть можетъ много будетъ бѣдъ
Въ моей душѣ страстями изрытой.
Но прости!.. разстанемся!.. строкою сей
Твоей души я не возмутилъ
И безумнымъ совѣтомъ и жалобой моей
Навѣрно твоей любви я не отравилъ.

1863 года.

УНИЖЕНІЕ.

Какъ низкій рабъ передъ тобой
Съ благоговѣньемъ я стоялъ;
Съ какой сердечною мольбой
Твоей любви я ожидалъ.

Въ душѣ съ глубокою тоской
Точно ждалъ я подаянья,
Грустный, блѣдный и худой
Отъ душевнаго страданья.

Твоего отвѣта я просилъ,
А взоръ являлъ живую муку,
И какъ пораженъ я былъ,
Когда ты отвергла мою руку!

Какъ легкомысленное дитя,
Хладнокровно и безпечно,
Мое чувство сердечно
Ты приняла шутя.

Прости же, Богъ съ тобою!
Не стану просить больше тебя..
Ты обожателей толпою
Загораждаешься отъ меня.

Ты мое сердце промѣняла
На мишурный блескъ, пустой;
Тебѣ любви моей мало
Прости, тиранъ мой, Богъ съ тобой!

1864 года, февраля 27 дня.

МОЕ ЖЕЛАНЬЕ.

Ф. С....

За взглядъ твой нѣжный,
За беззаботный смѣхъ,
За поцѣлуй мятежный
И за ласку открытую для всѣхъ

Тебѣ желаю я сердечно
Всегда мило такъ глядѣть,
Жить весело, безпечно,
И болѣе хорошѣть.

За душу пылкую твою,
За нѣжную любовь,
За слово милое «люблю»,
Которое волнуетъ кровь,

Желаю, другъ мой вдохновенный,
Всегда очаровательною быть,
Но не гордой и не надменной,
И съ веселостью шутить.

Отъ твоихъ милыхъ словъ,
Отъ пламеннаго взгляда
Всегда я пасть готовъ
Предъ тобою, моя отрада.

Живи, мой другъ, ненаглядный,
Цвѣти какъ алый цвѣтъ:
Въ твоей жизни отрадной
Пока тоски душевной нѣтъ.

Желаю не знать горя и печали
И быть веселою всегда,
Чтобы тебя страсти не волновали,
Твою душу не надрывали
И не знать любви безумной никогда.

Будь въ минуты моихъ страданій
Всегда спутникомъ моимъ;
А я безъ всякихъ упованій,
По дорогѣ испытаній
Сочту хранителемъ своимъ.

Съ тобою, другъ мои нѣжный,
Свое блаженство нахожу;
Твоимъ поцѣлуемъ заглушу
Свой духъ унылый и мятежный.

Ты душой и мыслями чиста,
Во мнѣ чувство поселили
Твои прелестныя уста,
Дѣламъ добрымъ научили,
А худыя мысли искоренили.

О другъ, повѣрь! страсть любви нѣжной
Ничто не можетъ охлаждать —
Ни клевета, ни гнѣвъ мятежный
Отъ моего сердца оторвать.

Ничто меня не охлаждаетъ...
Судьба моя — страдать, любить ..
Мысль безнадежная терзаетъ,
Что нельзя намъ вмѣстѣ жить.

Хотя я молодъ, но печали
Память скучныхъ, черныхъ дней
На моемъ лицѣ начертали
Картину мучительныхъ страстей.

Но усердно Бога я молю
И небо свѣтлыми звѣздами,
Чтобы прекрасную жизнь твою
Онъ усыпалъ нетлѣнными цвѣтами,

Чтобы твои быстрыя мечты
Невинное сердце сохраняли,
И что ни любишь невинно ты,
Твою любовь благословляли.

А я, надежды лишенный,
Въ чемъ думалъ счастья зрѣть,
Тоской и сердцемъ сокрушенный —
Осталось только умереть

1863 года сентября 2 дня.

СОЖАЛѢНІЕ

Хотя тебя я не видалъ,
Но мнѣ сказали что ты больна,
И это время какъ я страдалъ...
Моя душа была томна
И дѣлать что̀ ужь я не зналъ.

Страдалъ о томъ, что я не могъ
Тебя увидѣть въ этотъ часъ,
Что не облегчилъ я своихъ ногъ,
Но моя душа къ тебѣ рвалась.

И теперь ужасное страданье!
Тоскую день и ночь...
Время выбрать когда не знаю,
Немного тоскѣ своей помочь.

Желалъ бы видѣть я тебя,
Печаль съ тобою раздѣлить,
Хоть слезой единой могъ бы я
Тебя въ болѣзни усладить.

Къ тебѣ стремился я мечтой,
Съ тобой былъ сердцемъ и душой;
Покорна душа моя тебѣ,
Покорность ты цѣнить умѣешь,
И часто, другъ мой, обо мнѣ
Ты много, много сожалѣешь.

Спустя недѣлю и тебя
Я выбралъ время навѣстить.
Ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ я
Передъ тобой. Какъ это мучило меня,
Что не могъ съ тобой часу я быть!

Но ты больна была ужасно,
Недугомъ тяжкимъ страдала,
Хоть отъ меня ты и скрывала.
Твоя скрытность была напрасна:

На твоихъ блѣдныхъ щекахъ
Не рдѣлись прежнія розы,
Но на томныхъ очахъ
Какъ жемчугъ навернулись слезы.

Въ недугѣ тяжкомъ пылая,
Сидѣла съ поникшей главой,
Почти безъ чувствъ, полуживая,
Какъ точно міръ тебѣ чужой.

Въ болѣзни тяжкой страдая,
Я тутъ съ взволнованной душой
Во глубинѣ вздыхалъ, терзался и молилъ.
Надежда мелькала передо мной,
Но къ Богу вздохъ мой не доходилъ.

Глядѣлъ я украдкой, какъ ты одна
Сидѣла печальна и блѣдна,
Ослабивъ тяжкую шнуровку;
На своемъ нѣжномъ локоткѣ
Склонила милую головку,
Мечтой носилась вдалекѣ.

Въ тяжеломъ недугѣ замирая,
Въ очахъ видится тоска,
И на плечахъ какъ тѣнь ночная
Вьются локоны слегка.

Кругомъ повсюду тишина;
Лишь тоскующая грудь
Порой вздымалась какъ волна,
Мѣшала свободно вздохнуть ..

Я взошелъ — смутилась ты;
И растерявъ свои мечты,
По лику блѣдность пробѣжала,
И ты силилась вздохнуть.

Твоя страждущая грудь
Въ какомъ-то ужасѣ замлѣла.
Предъ Богомъ полный умиленья
Съ открытымъ сердцемъ и душой
Я продолжаю свои моленья

Со вздохомъ и горячею слезой,
Чтобы язвительные люди
Не навели чуму страстей
На полныя бѣлыя груди
И на блескъ твоихъ очей,

Чтобы передъ пропастью земною
Твой тусклый блескъ не былъ открытъ,
Чтобъ онъ поставилъ предъ тобою
Противъ недуга твердый щитъ.

Не грусти, дитя свободы,
Грусть понятна мнѣ твоя:
Климатъ грусти отъ природы,
Въ томъ порукой тебѣ я.

Не томись же, другъ прелестный!
Болѣзнь — тоска — твоя пройдетъ,
И твою блѣдность сольетъ
Въ румянецъ яркій и чудесный.

Пройдетъ душевная тревога,
Иго тягостное сбросимъ;
Безконечно милостей у Бога, —
И мы еще Его попросимъ.

1864 года іюля 23 дня.

БАРЫШНЯМЪ

(Исполненіе ихъ желанія.)

Барышни, вы мнѣ говорили:
Напишите намъ въ альбомъ,
Да при томъ еще просили,
Чтобы не было вздору въ немъ.

Но прошу васъ, извините, —
Даю я вамъ отвѣтъ такой:
Меня вы въ этомъ не просите,
Не перемѣнится нравъ мой.

Альбомъ писать не что иное...
Его всѣ пишутъ безъ разбору:
Въ немъ пишутъ правду и пустое,
И даже есть не мало вздору.

Вотъ, напримѣръ, хоть напишу
На вашу рѣчь я вамъ отвѣтъ,
Что слишкомъ много я грущу,
Даже выразить и словъ нѣтъ

Но дайте мнѣ сроку минуты двѣ
Съ собой немного помечтать,
Собрать всѣ мысли въ головѣ,
Чтобы альбомъ вамъ написать.

И вотъ теперь желанья полный
Имѣю счастіе и честь
Свой трудъ ничтожный
Съ благоговѣньемъ вамъ поднесть.

АЛЬБОМЪ.

О барышни!.. ваша младость
Надѣлена отъ природы красотой;
Вы своею нѣжною душой
Льете въ наше сердце радость;
Когда вы какъ феи молодыя,
Облечены въ нарядъ чудесный,
Стоите будто не земныя,
И вашъ взоръ какъ взоръ будто небесный...
Въ тѣ минуты, какъ вы снимаете
Вѣнки изъ разныхъ цвѣтовъ
И съ милой скромностью внимаете
Рѣчамъ задумчивыхъ пѣвцовъ.
Зачѣмъ вы такъ сильно увлекаете
Насъ своей райской красотой,
И такъ безжалостно плѣняете
Своей дѣтской добротой?
Ваши глазки — обольщенье,
Чудно какъ блестятъ они,

Отъ природы назначенье,
Въ нихъ небесные огни.
Какъ смотрю я въ ваши очи, —
Въ нихъ какъ въ морѣ я тону;
Иногда средь темной ночи
Въ нихъ вижу искру не одну.
Ваши кудри — удивленье,
Вьются чудно какъ они;
Въ нихъ какъ много упоенья
Пѣвцу ничтожному земли.
Локоны въ кольца завитые
Бѣгутъ по мраморнымъ плечамъ.
Блестятъ въ нихъ и искры золотыя,
Нельзя смотрѣть на нихъ очамъ.
Ваши полныя ланиты
Какъ алые розаны цвѣтутъ,
Румянцемъ яркимъ облитыя
Онѣ блаженство въ душу льютъ.
Глядѣлъ я жадно, какъ алѣло
Пламя юныхъ вашихъ щекъ:
То краснѣло, то блѣднѣло,
И вдругъ румянецъ все облекъ.
Ваши плечи и груди полны
Млечной бѣлизны бѣлѣй;
Они колыхаются какъ волны

Цвѣтовъ пурпурныхъ нѣжнѣй.
Когда плѣнительнаго стана —
Коснется хладная ладонь
Къ юпитеровой длани
Жгетъ волшебный ее огонь.
Ваши ножки, ваши ручки
Все плѣняетъ сильно насъ,
Точно мѣсяцъ изъ-за тучки
Поглядитъ въ покойный часъ;
И я, счастьемъ упоенный,
Его жадно пожираю,
И, мечтою восхищенный,
Къ нему руки простираю
О барышни! хотя для васъ
Мы созданы на свѣтѣ жить,
Любить, мечтать, но подчасъ
Приходитъ жизнью намъ платить
За ваши миленькіе глазки
И чистосердечную любовь,
За ваши простодушны ласки,
Которыя волнуютъ кровь.
Но что̀ же дѣлать мы должны?
Какъ божество васъ почитать...
Вы красотой награждены,
И мы объ васъ будемъ страдать.

И вотъ альбомъ я свой кончаю;
Чего отъ меня желали вы, —
Желанья ваши исполняю.
Хотя я поэтъ пустой молвы,
Но что могу, то посвящаю.
Живите, о прелестныя подруги,
И красотою расцвѣтайте,
И хоть на минуту свои досуги
Вы съ нами раздѣляйте.
И вотъ все мое сознанье
Я въ семъ альбомѣ изъясняю;
Мои мечты, мое желанье
Вамъ на судъ предоставляю.

1863-года августа 20 дня.

ОЖИДАНЬЕ СУДЬБЫ.

Цѣною тяжкой даръ прозрѣнья
Избранникъ Божій покупалъ,
Когда онъ крѣпостью терпѣнья
Силъ человѣка выше сталъ.

Подолинскій.

Цѣною крови жаръ сердечный
Страстей любовникъ покупалъ,
Но души властитель вѣчный
Дань сію не принималъ.
И распалясь любовью страшной
Онъ ницъ склонился передъ ней,
Горя ревностью ужасной,
Цвѣтъ лица его сталъ блѣдпѣй.
Взоръ любовника выражалъ
Надежду, страхъ и сердца муку,
Но онъ съ жадностью простиралъ
Къ ней трепетную руку,
И взоръ безпокойный опускалъ.

Но души его властитель
Стоялъ въ молчаньи предъ нимъ,
Волнуясь духъ въ немъ сокрушитель
И пуще страстію томимъ.
Но вдругъ потупя взоръ съ улыбкой
Краса на грудь къ нему склонилась,
Рукой обвила какъ павеликой
И въ его уста устами впилась.
Какъ счастливъ: онъ любви дождался;
Его теперь навѣкъ она;
На лицѣ румянецъ показался,
И душа любовію полна.
Онъ страдалъ, терзался и любилъ
И отъ ней ждалъ любви сердечной;
Ей открывался, отъ всѣхъ таилъ,
И дождался любви вѣчной.
Но къ чему напрасныя надежды,
И къ чему всѣ желанія мои?
Потухнутъ скоро мои вѣжды
И замрутъ въ устахъ слова моей любви.
Чего же ждать еще мнѣ болѣе?
Судьба моя скоро рѣшится,
Хотя въ тоскѣ, безумномъ горѣ.
Но долженъ я съ тобой проститься.
Падетъ мнѣ жребій неизбѣжный, —

Я жду его съ часу на часъ,
Что онъ разлучитъ скоро насъ
И тебя скроетъ другъ мой нѣжный.
Такъ часто иногда порою
Вмѣстѣ съ открытою весной
И прилетитъ громкій соловей
Съ своей подругой молодою.
И въ тѣни густыхъ вѣтвей
Онъ громкой пѣснію своей
Подругу милую утѣшаетъ.
Какъ счастливъ онъ тогда бываетъ,
Любуясь ей въ дубравѣ мирной!
Трель громкую распускаетъ,
И тонетъ трель въ дали эфирной.
Не можетъ утѣшиться онъ ей,
Подругой милою своей:
Онъ къ ней какъ будто бы прикованъ;
Онъ ею сильно очарованъ.
Но вдругъ, о что же! какой страхъ...
Взвился надъ ними коршунъ гладный,
Спустился, и въ его глазахъ
Скрылся съ ней въ дали туманной...
Или птицеловъ коварный злой
Сѣть накинетъ роковую,
Похититъ подругу молодую

И заключитъ въ клѣткѣ золотой.
Но что же бѣдный соловей
Отъ сей потери драгоцѣнной,
Своей подруги несравненной
Раставшись внезапно съ ней?
И этотъ міръ тогда печальный
Съ тѣхъ поръ не милъ ему ужь сталъ;
Какъ нѣтъ подруги съ нимъ желанной
Онъ въ тоскѣ о ней увялъ.
И трель громкая не раздается,
Ужь не тонетъ въ дали эфирной,
И пѣснь веселая не льется, —
Ее не слыхать въ дубравѣ мирной.
Но съ куста на кустъ перелетаетъ...
Его тоска о ней томитъ,
И себя онъ всюду убиваетъ,
Какъ бы готовый умертвить.
Я той же участи ожидаю:
Она готова мнѣ давно,
И всю надежду я теряю;
Тогда мнѣ останется одно,
Когда этотъ коршунъ злой
Свой полетъ направитъ злобный,
И Провидѣнію покорный
Разлучитъ меня съ тобой.

Какъ на даръ драгоцѣнный
Я на тебя буду взирать,
И порой съ мечтой уединенный
Одинъ буду слезы проливать
И о тебѣ мой другъ вздыхать.
Тогда печально и уныло
Мой взоръ тебя будетъ слѣдить;
Какъ на гаснущее свѣтило
Терзаясь страждущій глядитъ.
Возможно ль будетъ одушевить
Тяжелый хладный камень?
И возможно ль къ жизни возвратить,
Душу убитую снова оживить,
Залить въ ней грусть и пламень?
Нѣтъ, дни счатливые летятъ
Пернатою стрѣлою,
Какъ весело на все глядятъ
Кто любитъ пламенной душою;
Но дни убійственной тоски
Какъ медленно текутъ,
И страдальца къ гробой доскѣ
Съ собой они влекутъ.
Не милъ страдальцу бѣлый свѣтъ,
Когда любви ему здѣсь нѣтъ;
Но тоскуя въ жизни сей унылой

Страданья окончутся могилой.
Могу ли зрѣть я хладнокравно
Въ тотъ для меня ужасный часъ!..
О нѣтъ! Мнѣ это невозможно,
Я лучше скроюся отъ глазъ
И душѣ открытая печаль
Во мнѣ всегда станетъ томиться,
И сердце тоскующее вдаль
Нетерпѣливо будетъ стремиться.
И съ отверженной душою
Въ здѣшнемъ мірѣ сиротой,
Тоскуя между небомъ и землею,
Я кончу вѣкъ печальный свой.
Какъ странникъ стану я скитаться,
Гдѣ Днѣпръ подъ Кіевомъ шумитъ,
Его разливомъ любоваться,
И съ нимъ тоску свою дѣлить.
Быть можетъ страждущая грудь
Тамъ обрететъ утѣшенье гдѣ-нибудь.
Но если путь мнѣ заградятъ,
Куда мечта моя стремится,
Моимъ желаньямъ воспретятъ, —
Я долженъ волѣ покориться.
Но чтобъ такъ сильно не грустить,
Желаю пировъ и похмѣлья...

Стану бездушнымъ въ свѣтѣ жить,
Въ кругу безумнаго веселья.
Ни съ кѣмъ чтобы горя не дѣлить,
Виномъ залью свое горе.
Въ томъ буду время проводить;
Въ семъ мірѣ я какъ въ морѣ,
Стану безчувственнымъ бродить;
Какъ челнъ брошенный водою
Буря по морю несетъ,
И надъ страшной глубиною
Пуще свищетъ и реветъ;
Вдругъ сильнѣе, о Творецъ!
Буря воетъ надъ водой,
И несчастной здѣсь пловецъ
Вдругъ погибнетъ подъ волной.
Также въ свѣтѣ я бездушномъ
Между небомъ и землей,
Міру здѣшнему послушнымъ,
Какъ пловецъ подъ волной,
Окончу вѣкъ печальный свой.

1864 года ноября 22 дня.

АЛЬБОМЪ.

А. Ф.....

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, средь дня,
Кажись двадцатаго числа
Опять увидѣлъ тебя я;
Ты взоромъ жизнь мою спасла.

Къ тебѣ стремился я мечтой,
Но былъ разстроенъ и угрюмъ;
Грудь терзалася тоской
Отъ непріятныхъ мрачныхъ думъ.

Но лишь увидѣлся съ тобой,
И ласка нѣжная твоя,
Какъ лучъ блеснула предо мной,
Пропала грусть, сталъ веселъ я.

Но время мнѣ не позволяло
Пробыть съ тобою лишній часъ;
Это мою душу волновало,
Что судьба разлучаетъ насъ.

Когда я готовый въ путь
Сталъ прощаться съ тобою,
И тутъ ужасною тоскою
Опять стѣснило мою грудь.

Но твой взоръ прощальный
Разочаровалъ меня на много,
И этотъ день страдальный
Забыть не могу я долго.

Безнадежная любовь.

Томясь любовью безнадежной,
Грущу, тоску часто я;
Мой духъ унылый и мятежный
Не знаетъ радостнаго дня.
Безнадежно и безразсудно
Я такъ пламенно люблю;
Сердцу горестно и трудно,
Младые дни свои гублю.

Заглохни, любовь мятежная,
Мой духъ унылый не возмущай;
Избѣгай меня ласка нѣжная,
Сердце любви больше не знай.

Ангелъ милый, ангелъ нѣжный,
Я твердо въ любви твоей увѣренъ;
Но скрыться я больше не намѣренъ,
Я твой товарищъ не безнадежный!
Жизнь печальная безъ покрова
Нескоро вспыхнетъ вновь;
Но страсть мятежная снова
Разжигаетъ во мнѣ любовь.

Прости, другъ милый мой,
Моей мятежной страсти!
Не видавши образъ твой,
Я не зналъ любви напасти.
Ты говоришь, что я любилъ
И что любить еще не можешь...
Зачѣмъ же ты меня тревожишъ?
Законной любви не сохранилъ,
И предъ алтаремъ Христовымъ
Въ любви ты клятву далъ...
Зачѣмъ не предался чувствамъ новымъ
И любовь ты мою призналъ?
Когда бъ я сердцемъ управлялъ,
И оно бы было во власти моей,
Тогда быть можетъ я сказалъ;
Прости мнѣ въ глупости сей,

Но вѣрь, когда бъ твой образъ милый
Какъ ангелъ явился предо мной, —
Смутился духъ мой унылый:
Я взоръ потупилъ предъ тобой.
Тогда забылъ я, что не должно
Тебя открыто такъ любить;
Должно бы скрытно и непреложно
Сію любовь въ сердцѣ таить.
Мою открытость, другъ, прости,
Тебѣ любовь моя извѣстна...
Ты будь со мною повсемѣстно,
И душу лучемъ отраднымъ просвѣти.
Предаться всегдашней надеждѣ
Опять всемъ сердцемъ я хочу;
Тебя люблю какъ любилъ прежде,
Хотя я жизнію заплачу.
Взгляни: я грустенъ и унылъ.
Молю, сжался надъ мной,
Мой жаръ въ груди еще не остылъ;
Я колѣна склоняю предъ тобой.
Люби меня!.. люблю тебя!..
Мой духъ любовію взволнуй.
Пусть согрѣваетъ меня
Твой пламенный поцѣлуй.

1863 года іюня 29 дня.

Ф... й...

ВЪ СКУЧНЫЙ ДЛЯ НЕЯ ДЕНЬ.

Когда я вспомню время то,
Какъ ты съ любовью улыбалась:
Тоска, горесть ни во что;
Твоя рѣчь не притуплялась.

Какъ счастливъ былъ тогда я,
И какъ тобою восхищался!
Точно лучъ майскаго дня,
Твой взоръ мнѣ улыбался.

Теперь насталъ скучный день,
День грустный и суровый,
И онъ набросилъ блѣдную тѣнь
На ликъ твой бирюзовый.

Когда въ послѣдній разъ
Тебя я грустной увидалъ,
Изъ милыхъ твоихъ глазъ
Лучъ блѣдный проливалъ.

Гдѣ же твой милый взоръ
И твои ласковыя рѣчи?
Гдѣ твой пріятный разговоръ
Съ улыбкою при встрѣчѣ?

Твоя тоска меня смущаетъ...
А по чему — незнаю самъ.
Твоя блѣдность меня пугаетъ...
Я часто предаюсь мечтамъ.

Съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ я
Такой унылой и печальной,
И какъ стѣснилась душа моя...
Ты подняла свой взоръ страдальный.

Точно цаташка встрепенулась
И мнѣ сквозь слезы улыбнулась,
Стыдливо голову склонила,
Ты грусть хотѣла утаить.

Но твоя блѣдность все открыла,
И тоски нельзя было скрыть;
Но ты печальна и грустна,
И я суровымъ долженъ быть.

Ты задумчива и ты скучна;
Я буду все съ тобою дѣлить,

И сладкій сонъ души твоей,
Нарушу мыслію моей.

Твоему предчувствію я вѣрю:
Въ тебѣ душа предузнаетъ;
Но сердце дорогую потерю
Долго, долго не найдетъ.
А я готовъ бы всей душею
Твою печаль усладить,
Готовъ жертвовать собою
Лишь бы веселость замѣнить.

Но мнѣ заботою напрасной
Твоего веселья не возвратить,
И съ тобою, другъ прекрасный,
Я за одно буду грустить.
Но часто ты украдкой
Тоскуешь, замѣчаю я;
Но признаюсь, мнѣ загадка —
Тоска скрытая твоя.
И какъ она меня тревожитъ,
Тревожитъ день и ночь!
Тебя душа забыть не можетъ,
И себя я не въ силахъ превозмочь.
Но въ томъ ты не вини меня,

Что за тебя я страдалъ,
Тайну скорбь въ душѣ храня,
Одной надеждой утѣшалъ.
Тоска и грусть твоя пройдетъ,
Съ лица блѣдность исчезнетъ;
Его румянецъ обольетъ,
И взоръ твой пламенный воскреснетъ.
Отъ всей души желаю я
Тебѣ не знать грусти и печали.
Покоилась бы душа твоя,
И думы сердце не разрывали.
Чтобы напасти ты не знала
И жила не въ горѣ и не въ бѣдахъ.
Любовь бы твоя пылала,
И пламень горѣлъ въ твоихъ очахъ.
Тогда я покрайней мѣрѣ
Полюбовался хотя тобой,
И былъ бы въ полной вѣрѣ,
Что ты, какъ ангелъ предо мною,
Улыбнулась бы, другъ милый мой.
Румянецъ яркій на щекахъ,
Какъ алый розанъ цвѣлъ,
Улыбка милая на устахъ,
И поцѣлуй бы твой горѣлъ.
Будь мнѣ всегдашнею отрадой!

Я такъ давно къ тебѣ привыкъ,
И отъ тоски будь оградой
Въ тотъ скучный для меня мигъ.

Теперь отъ скуки, въ часъ свободный,
Вы, съ разстроенной мечтой,
Прочтите бредъ мой стихотворный
И листочекъ бѣдный мой.
Его предайте вы огню;
Листокъ мой вспыхнетъ —
Васъ онъ нѣсколько займетъ.
Я это въ честь ему вмѣню.
И лишь листокъ мой загорится,
На минуту тоска ваша пройдетъ,
Блѣдность румянцемъ замѣнится,
И лучъ отрадный хоть разъ блеснетъ.
Но быть можетъ долго
Не случится увидать тебя;
Но ты разсѣешься не много, —
Это и заочно обрадуетъ меня.

1864 года мая 23 дня.

ТОСКА О ПРОШЛОМЪ.

О вы дни юности моей,
Какъ скоро протекли!
И много ужь людей
Исчезли съ сей земли.
О дни мои златые!
Какъ скоро вы умчали,
И годы молодые
Какъ будто не бывали.
Представляется мнѣ живо
Счастливыхъ много дней, —
Дней веселости игривой,
Когда я былъ въ числѣ дѣтей.
Тогда заботъ не зная
Всегда я веселъ былъ,
Въ кругу дѣтей играя
И всякій меня любилъ.
Но время миновалось,
Я побольше сталъ.

Мнѣ муза улыбалась,
И кое-что я узналъ.
Сталъ я удаляться,
Одинъ съ собой мечтать,
Людей остерагаться,
Стихи началъ читать
И искра заронилась
Въ главѣ моей.
Мысль моя забилась..
Скучно стало ей.
Душа моя желала
Чего — не зналъ я самъ;
А мысль моя летала
По разнымъ сторонамъ.
Но годъ прошелъ — и что же?
Ужь мнѣ семнадцать лѣтъ...
И съ времени того же
Начало моихъ бѣдъ.
Утреннею разъ порою
Гулять случилось мнѣ
Надъ свѣтлою рѣкою,
Отъ всѣхъ на единѣ.
И думою летая
Все далѣ, далѣ шелъ.
Едва ногой впередъ ступая,

Къ кладбищу я пришелъ,
Гдѣ мать моя родная
Въ темномъ гробѣ спитъ
И вижу: въ сторонѣ молодая
У могилы дѣвица стоитъ.
Съ горячею мольбою
Молилася она,
Надъ усопшею сестрою
(Здѣсь погребена).
Я долгъ свой исполнилъ
Надъ матерью родной;
Слезу горячую пролилъ,
Отдалъ поклонъ земной.
Тихо приближаться
Я къ дѣвицѣ сталъ,
И сталъ спознаваться.
Кого же въ ней узналъ?
Съ кѣмъ юныя лѣта я
Вмѣстѣ проводилъ,
По рощамъ гуляя
И въ домъ къ ней ходилъ.
Но какъ я изумился,
Когда ее узналъ;
Сзади становился
И взоромъ пожиралъ.

И взоръ свой устремила
Она прямо на меня;
Что — то въ душу влило...
Я весь горѣлъ въ огнѣ.
Склонивъ главу, стыдился,
Смутился взоръ ея;
Но вскорѣ объяснился —
Кто такой я.
Вспомня дни счастливые,
Какъ дѣтями были, —
И ея глазки милые
Слезы помутили.
Говорю, какъ измѣнились
Вы, спутникъ вѣрный мой.
И втайнѣ обручились
Мы сердцемъ и душой,
И съ тѣхъ поръ рѣшился
Прежній мой покой, —
Я ужь соединился
Съ грустью и тоской.
Тутъ любовь безумная
Овладѣла мной;
День и ночь я думаю
Все о ней о ней, одной.
Но отецъ ея суровый

Насъ вскорѣ разлучилъ:
Счастье мое другому
Навѣки подарилъ.
Я почти два года
Объ ней тосковалъ,
И боясь народа
Отъ всѣхъ убѣгалъ.
И точно безумный
Тѣхъ мѣстъ избѣгалъ,
Гдѣ средь ночи лунной
Ее я встрѣчалъ.
Девятнадцать лѣтъ
Лишь минуло мнѣ,
Опять блеснулъ свѣтъ
Въ другой сторонѣ.
Пора миновалась,
Съ тоской я простился;
Мнѣ счастье улыбалось —
И вотъ я женился.
Годъ прошелъ счастливо
Нашихъ двухъ сердецъ;
Мнѣ сыномъ подарила
Жена, и вотъ ужь я отецъ.
Снова заботъ много
Въ головѣ моей,

И не сплю я долго
Средь темныхъ ночей.
Думаю, мечтаю
Объ женѣ, объ сынѣ,
Горестно вздыхаю
Объ тяжкой судьбинѣ.
Прошло три годочка...
Жена возвѣщаетъ
Что родилась дочка,
И мой духъ смущаетъ...
Съ той поры заботъ не мало
Теперь стало мнѣ, —
Провидѣніе послало —
Объ дѣтяхъ и объ женѣ.
И когда теперь придутся
На память юные дни, —
Изъ глазъ слезы льются
Какъ были веселы дни.
А теперь, Боже!
Хлопочи, потѣй ..
И все для кого же?
Для жены, дѣтей.
Уснешь, придешь домой, —
Тутъ жена тебя ругаетъ.
Глядишь вмѣстѣ съ собой

Дѣтей нянчить заставляетъ.
Я говорю, что я усталъ...
Но слова мои не въ прокъ.
Нѣтъ, ты лѣнивъ сталъ
И забываешь свой урокъ.
И тожь не стало теперь во мнѣ
Прежней храбрости,
И предался я вполнѣ
Какой-то дряхлой слабости.
Хотя долгъ тяжкій и постылый,
Но надо все терпѣть,
Пока окончишь вѣкъ унылый;
Должно всегда благоговѣть.
Не должно на судьбу роптать.
Намъ суждено жить съ женою...
И мы должны хлопотать
До доски гробовой!

1864 года января 7 дня.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр.*	*напечатано:*	*должно читать:*
5	6	поэтомъ	поэтъ.
8	14	пустячки	пустяки
26	8	меня тогда	тогда меня
54	5	любитъ ее	любимъ ею
55	6	взоръ	взглядъ
60	25	не забылся	не збылся
61	15	и терзоть мнѣ.	и терзать себя мнѣ
—	16	на зову своею	назову ее своею
63	14	от пѣтъ	спятъ.
74	3	проходитъ онъ	проходитъ лѣсъ и видитъ онъ
—	4	и видитъ давно желанный ему домъ	давно желанный ему домъ
81	2	но свѣтѣ	на свѣтъ
92	24	преклонялъ	преклоня
94	2	манитъ	ланитъ
102	13	словно	снова
138	1	грянулись	грянулъ
144	22	мать вина	мать весна
166	11	таишься	томишься
169	2	пугаешъ	погубишь
175	12	и свободу	свободу.

LIBRARY OF CONGRESS
0002524546 5